

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Структурные особенности односоставных предложений в языке
русских пословиц

Исполнитель _____ Равшанова Хафиза
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Юсупова Дильбаржон
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой _____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

« 5 » июня 2023 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ	6
1.1 К дефиниции понятия «пословица»	6
1.2 Проблема классификации русских паремиологических единиц	17
1.3 Основные особенности языка русских пословиц	23
Выводы по Главе I	30
ГЛАВА II. АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ И ГРАММАТИКО- СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ	33
2.1 Особенности синтаксической семантики односоставных предложений в языке русских пословиц	33
2.2 Классификация основных синтаксических моделей односоставных предложений в языке русских пословиц	36
2.3 Синтаксическая структура пословицы как речевого акта	57
Выводы по Главе II	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	68
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА	72

ВВЕДЕНИЕ

Пословицы и поговорки представляют собой элементы фразеологической системы языка, которые выделяются из нее по нескольким причинам. Во-первых, общим местом является утверждение о том, что пословицы и поговорки в кратком и емком свернутом виде выражают типизированный опыт народа и те ценности, которые для него значимы. Во-вторых, общее значение пословиц и поговорок нельзя вывести из простой суммы лексических единиц, входящих в их состав, что определяет специфику взаимодействия семантики и синтаксиса в их структуре.

Таким образом, **актуальность исследования** заключается в том, что необходимо более детальное рассмотрение особенностей специфики русских пословиц в односоставных предложениях. При этом особенности их синтаксической структуры следует рассматривать не изолированно, а с учетом лексической и грамматической семантики тех частей речи, что служат синтаксическим ядром пословицы.

Цель исследования – анализ структурных и синтаксических особенностей односоставных предложений в языке русских пословиц.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. дать дефиницию понятию «пословица»;
2. рассмотреть особенности языка русских пословиц в целом;
3. проанализировать лингвокультурные особенности языка русских пословиц;
4. исследовать структуру и синтаксис русских пословиц с позиции грамматики конструкций;
5. изучить различные типы синтаксических предикатов, представленных в языке русских пословиц;
6. установить наиболее часто встречающиеся типы предложений и соответствующие типы предикатов в языке русских пословиц.

Объектом исследования являются односоставные предложения в языке русских пословиц.

Предметом исследования являются грамматико-семантические и синтактико-семантические характеристики односоставных предложений в языке русских пословиц.

В работе использовались следующие **методы исследования**: метод целенаправленной выборки, описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод интерпретационной семантики, метод анализа синтаксической структуры, а также различные методы грамматики конструкций. Проводились также подсчеты частоты встречаемости различных грамматических и синтаксических форм в языке русских пословиц.

Научной новизной исследования является применение в нем методов грамматики конструкций, а также идей и методов теории речевых актов для анализа особенностей синтаксиса односоставных предложений в языке русских пословиц.

Теоретической значимостью исследования является анализ грамматической и синтаксической семантики односоставных предложений языка русских пословиц в их взаимодействии между собой.

Практической значимостью исследования является возможность применения полученных в нем результатов в преподавании курсов русской фразеологии и лексикологии, грамматики и синтаксиса современного русского языка, а также в курсе грамматической и синтаксической семантики русского языка.

Структура работы обусловлена ее целями и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников материала.

Во введении обосновывается актуальность темы, приводятся цели и задачи настоящего исследования, его предмет и объект, используемые методы

исследования, а также его научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе приводится необходимый теоретический аппарат, определения паремиологических единиц (пословицы и поговорки), даются различные классификации пословиц и поговорок, а также основные особенности языка русских пословиц и его лингвокультурные характеристики.

Во второй главе проводится анализ грамматической и синтаксической семантики односоставных предложений в языке русских пословиц и поговорок, анализируется грамматическая и синтаксическая семантика основных типов предикатов (субстантивный, глагольный и т. п.), входящих в синтаксическую структуру русских пословиц. Дается также синтаксическая типологизация русских пословиц с позиции теории речевых актов, и подробно анализируется взаимодействие семантики и синтаксиса в односоставных конструкциях, представленных в русских пословицах.

В заключении подводятся итоги исследования, и намечаются его дальнейшие перспективы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

1.1. К дефиниции понятия «пословица»

В языкознании существуют различные подходы к определению понятия «пословица». Они изучаются с позиции различных лингвистических направлений: системно-структурного, коммуникативного, когнитивного, лингвокультурологического.

Осветим основные особенности каждого из данных подходов. Системно-структурный подход в исследовании пословиц и поговорок тесно связан со структуралистской парадигмой в языкознании. В рамках данного подхода устойчивые сочетания и устойчивые словесные комплексы рассматриваются как элементы той или иной подсистемы языка, а именно, лексической и лексико-семантической. Иногда паремии выделяются в качестве элемента отдельного языкового уровня, а именно фразеологического уровня. Трудность при рассмотрении пословиц и поговорок в рамках данного подхода заключается в вычленении их специфики в сравнении с другими типами фразеологических единиц.

Коммуникативный подход к исследованию паремий тесно связан с осмыслением языка как инструмента общения. Поскольку коммуникативная функция представляет собой одну из главных функций языка, то из этого логичным образом следует, что паремии также выполняют данную функцию, входя в структуру того или иного высказывания либо в структуру того или иного речевого акта. В рамках данного подхода изучаются также особенности функционирования паремий в различных типах речевых актов и в различных типах текстов, а также в высказываниях с различной прагматикой.

Когнитивный подход к исследованию паремий тесно связан с осмыслением языка как инструмента познания действительности и репрезентацией соответствующей функции языка. Поскольку когнитивная

функция (функция познания) также представляет собой одну из основных функций языка, то в рамках данного подхода изучается, прежде всего, каким образом репрезентируются различные структуры знания в тех или иных паремиологических единицах. В частности, предметом изучения являются механизмы концептуализации и категоризации действительности в паремиологических единицах, их когнитивная семантика, а также когнитивная семантика составляющих их единиц.

Лингвокультурологический подход к изучению пословиц базируется на признании тесной взаимосвязи между языком и культурой, а также языком как хранилищем культурно значимой информации и той сущностью, что отображает особенности этнической либо национальной модели мира, а также особенности этнического или национального мировосприятия. В рамках данного подхода изучаются наиболее «культурноносные» элементы фразеологического состава данного языка, а также культурно-специфичные и национально-специфичные элементы, выражаемые в паремиях и входящие в их состав. Особым предметом изучения в рамках данного направления являются национальные и этнические стереотипы, выражаемые при помощи паремий, которые связаны с языковой репрезентацией тех или иных социальных и культурных реалий данного этноса.

Исходя из целей и задач данного исследования, представляется, что лингвокультурологический подход к изучению фразеологизмов русского языка является наиболее релевантным, поскольку он позволяет ответить на вопрос о национальной специфике паремиологических единиц каждого из языков, а также выявить национально-культурную специфику, выражаемую при помощи фразеологических и паремиологических единиц.

В статье М. А. Бредиса, М. С. Димогло и О. В. Ломакиной [Бредис, Димогло, Ломакина 2020: с. 268-269] выделяются несколько различных подходов к изучению паремиологических единиц. В частности, это тематико-идеографический подход, историко-этимологический анализ и

лингвокультурологический анализ. Помимо прочего, отдельно также выделяются переводоведческий аспект анализа, функционально-дискурсивный и сравнительно-сопоставительный подход.

Каждый из этих подходов связан с изучением отдельных аспектов паремий. В частности, этимологический анализ паремий посвящен исследованию происхождения паремиологических единиц, их внутренней форме и мотивировке номинации, а также их историческому развитию в различных языках. Кроме того, данный подход связан с исследованием вариативности паремиологических единиц в пределах одного языка или одной географической территории.

Тематико-идеографический подход тесно связан с семантическим анализом соответствующих паремий, а также с их классификацией. Исторически, данный подход являлся одним из первых, которые возникли в рамках фразеологии и паремиологии как лингвистического направления [Бредис, Димогло, Ломакина 2020: с. 268-269]. В рамках данного подхода паремиологические единицы группируются в рамках различных тематических классов в зависимости от выражаемой ими семантики, а также от их прагматических свойств. Данный подход обладает и практической ценностью, так как он используется при составлении паремиологических словарей при группировке единиц анализируемого материала.

Близок к данному подходу функционально-дискурсивный подход, который связан с изучением особенностей употребления паремий в текстах различных типов и жанров. К нему также примыкает переводоведческий подход к анализу паремий, который связан с анализом особенностей перевода паремий в различных типах текстов (в частности, в художественных текстах). Также он связан с изучением способов перевода паремий с одного языка на другой и осмыслением тех теоретических проблем, которые при этом возникают.

В состав паремий включены, в частности, пословицы и поговорки как

одни из их подтипов. Кроме того, в группу паремий входят также и крылатые фразы и крылатые слова, афоризмы, устойчивые речевые выражения (клише) и т. п. Рассмотрим подробнее понятие паремии, а также понятия «пословица» и «поговорка» и выявим различие между ними.

Как сказано в статье М. А. Бредиса, М. С. Димогло и О. В. Ломакиной [Бредис, Димогло, Ломакина 2020: с. 267], термин «паремия» используется в качестве обобщающего, родового наименования для различных народных афоризмов. К таковым, прежде всего, можно отнести пословицы, поговорки, загадки и примеры, а помимо них – также и прибаутки, крылатые фразы и т. п. Следовательно, паремии представляют собой целый класс устойчивых словесных выражений. Однако, пословицы выделяются среди них своей употребительностью, а также частой встречаемостью в различных типах текстов и дискурсов [Бредис, Димогло, Ломакина 2020: с. 267]. Таким образом, пословицу следует считать главным объектом исследования в паремиологии.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой пословица определяется как образное законченное изречение, которое обладает назидательным смыслом и специфическим ритмо-фонетическим оформлением [Ахманова 2013: с. 341]. Кроме того, в данном словаре указывается, что в некоторых случаях термины «пословица» и «поговорка» могут являться синонимами.

Понятие же «поговорка» цитируемым выше автором определяется как образное иносказательное выражение, которое отлично от пословицы тем, что является синтаксически незавершенным [Ахманова 2013: с. 328]. Исходя из приведенных определений, можно заметить, что образная лексика является одной из главных составляющих пословиц и поговорок, а образность представляет собой одну из их важных характеристик.

Пословицами называют законченные образные изречения, обобщающие различные явления жизни. Пословицы часто передают

значимую информацию морально-нравственного характера [Фундаментальная электронная библиотека... 2023]. Поговорки, как правило, семантически более емкие в сравнении с пословицами [Царева 2015: с. 149]. Они представляют собой результат народного творчества и заключают в себе краткое ритмизованное изречение, в котором содержится какая-либо мысль, вывод или же иносказание [Фундаментальная электронная библиотека... 2022].

В «Лингвистическом Энциклопедическом словаре» В. П. Жуковым дается следующее определение пословицы: это «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного) [Жуков 1990: с. 379]. В этом определении подчеркивается роль пословиц как средства хранения и трансляции народной культуры, народных (обыденных) знаний в пространстве и во времени. Пословицы могут образовывать синонимические и тематические ряды, вступать в тематические отношения, группируясь вокруг единого семантического и тематического ядра [Жуков 1990: с. 379]. Следует подчеркнуть, что тематическое ядро, вокруг которого группируются соответствующие пословицы, содержат только культурно значимые образы животных, то есть, такие, которые обладают сильной дополнительной культурной коннотацией.

Поговорка определяется в «Лингвистическом Энциклопедическом словаре» как «краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение» [Жуков 1990: с. 379]. Поговорки носят обобщающий характер, чему способствует их синтаксическая структура [Жуков 1990: с. 379]. Поскольку, как видно из определения, поговорки носят назидательный характер, то их тоже можно рассматривать как средство передачи

традиционной народной культуры, традиционных народных (обыденных) знаний и представлений об окружающем мире, о людях, об отношениях между людьми, о нормах поведения человека в обществе.

Важным представляется также и критерий разграничения между пословицами и поговорками, с одной стороны, и паремиями и другими типами фразеологизмов, с другой. С одной стороны фразеологизмы имеют открытую структуру, которая является незамкнутой и может варьироваться, кроме того, фразеологизмы не могут одновременно употребляться в прямом и в переносном значениях [Паремиология без границ... 2020: с. 8]. В отличие от фразеологизмов паремии (пословицы и поговорки) характеризуются замкнутой структурой (т. е., она не может свободно изменяться), обладают признаками синтаксического целого (т. е., предложения) [Паремиология без границ... 2020: с. 8]. Паремии обладают смысловой и интонационной завершенностью, что отличает их от фразеологизмов.

Одним из важных свойств русской фразеологии (в частности, русской паремии) является образность, создающаяся за счет использования специфических языковых средств [Алефиренко, Семенов 2009: с. 45]. Образность и экспрессивность у фразеологической единицы создается за счет использования как специфических словообразовательных средств (например, уменьшительных аффиксов у слов в составе паремии), так и за счет использования специфической оценочной лексики [Алефиренко, Семенов 2009: с. 46], а также экспрессивной лексики, создающей образную основу фразеологизма. Следовательно, правомерно утверждать, что русская фразеология и паремиология является собой класс языковых единиц, обладающих повышенной образностью и экспрессивностью.

Е. И. Селиверстова в своем исследовании указывает на то [Селиверстова 2017: с. 37], что образность пословиц и поговорок, а также представленные в них реалии важны и интересны не только и не столько сами по себе, сколько в аспекте репрезентации определенных семантических

признаков и логико-семантических отношений. Так, например, русская поговорка *Каковы сани, таковы и сами* представляет отношения эквивалентности свойств, характеристики или качеств предметов путем отсылки к реалии (сани), достаточно хорошо известной носителям русского языка.

За счет таких свойств паремии способны исполнять свою основную функцию: сохранение и передачу знаний о мире и человеке, находящемся в этом мире [Селиверстова 2017: с. 41]. Кроме того, важной функцией паремий является трансляция норм и стереотипов поведения, являющегося социально приемлемым в данном обществе и в данной культуре. Такая функция паремий становится возможной для осуществления, опять же, за счет тех семантических и логических отношений, что в них представлены.

Перспективным для изучения пословиц и поговорок является подход в русле системно-функциональной лингвистики, предложенной британским лингвистом М. Халлидеем [Гаврилова 2015: с. 175], который и является основоположником данного направления. Его главные идеи были им изложены в книге «О языке и лингвистике». В этой книге автор описывает язык как семиотическую систему ресурсов, позволяющих создавать и формировать смыслы [Halliday 1961: p. 46]. Системно-функциональный подход М. Халлидея был, во многом, сформирован под влиянием трудов Дж. Р. Ферса, одного из основных представителей британского структурализма [Ибрагимова 2016: с. 89], который в рамках своей теорией придерживался системно-структурных методов изучения языка.

Еще одним важным методом исследования паремиологических единиц и, шире, фразеологизмов является их анализ в рамках лингвистики конструкций. Этот подход тесно связан с анализом фразеологической семантики, поскольку изначально лингвистика конструкций (если более точно, грамматика конструкций) занималась преимущественно исследованиями устойчивых словесных комплексов, к которым можно

отнести и фразеологию. Об этом говорится, в частности, в статье Д. О. Добровольского [Добровольский 2016: с. 7]. В этой же работе указывается, что грамматика конструкций предполагает многообразие используемых исследовательских подходов и методов, не выступая в качестве монолитного исследовательского направления. По данной причине использование такого рода подхода нам представляется оправданным, поскольку методы и принципы лингвистики конструкций могут быть легко «адаптированы» к конкретному материалу.

Т. Г. Скребцова рассматривает конструкцию как двусторонний языковой знак [Скребцова 2018: с. 270], у которого на формальном либо содержательном уровне существует некий аспект, который не выводится из составных частей самой конструкции. Понятие конструкции охватывает собой единицы трех уровней языка, а именно – морфологического, лексического и синтаксического. В качестве формы конструкции выступает комплекс ее синтаксических, морфологических и просодических признаков, а в качестве значения конструкции выступает собственно семантика, прагматика и дискурсивные (т. е., текстуально обусловленные) характеристики конструкции [Скребцова 2018: с. 271].

Конструкция представляет собой языковое выражение, у которого аспект плана содержания или плана выражения не выводим из простой суммы форм или значений составных частей [Лингвистика конструкций... 2010: с. 19-20]. Таким образом, конструкция в рамках грамматики конструкций представляет собой неделимый и неразложимый языковой знак, который представляет собой органическое единство формы и содержания.

Конструкции могут относиться к любому уровню языка [Лингвистика конструкций... 2010: с. 19-20]: морфемного, лексемного, фразового, сверхфразового единства. Из-за данного обстоятельства под конструкцией в грамматике конструкций понимается не только собственно грамматические конструкции в смысле традиционной грамматики, но также и структуры,

состоящие из лексических единиц, морфологических единиц, а также те структуры, в которых морфологические и лексические единицы взаимодействуют между собой. Данное обстоятельство важно для анализа пословиц и поговорок, поскольку в них семантический интерфейс (а именно, значения лексических единиц, входящих в паремию) взаимодействуют с морфологическими и синтаксическими параметрами.

Важно, что с точки зрения грамматики конструкций единицы всех уровней в рамках конструкции непрерывно взаимодействуют между собой [Лингвистика конструкций... 2010: с. 21]. Благодаря такому взаимодействию значений компонентов (семантической синергии) формируется план содержания конструкции. При этом семантика конструкции задает вектор формирования ее структуры, не полностью, тем не менее, детерминируя ее [Лингвистика конструкций... 2010: с. 22].

Таким образом, можно сделать акцент на том, что русскоязычные пословицы (в том числе, пословицы с односоставным компонентом) представляют собой конструкции в вышеуказанном смысле. Происходит это и потому, что смысл идиоматики невозможно вывести, лишь просто просуммировав значения всех компонентов идиомы. По этой причине методологически важным представляется исследовать особенности грамматической и синтаксической семантики, а также синтаксической структуры такого рода идиом (т. е., паремий), исходя из представления, что они являют собой единое целое.

К перспективным методам исследования паремиологических единиц различных языков можно отнести также сопоставительный и контрастивный методы, развитые в рамках такого лингвистического направления, как сопоставительное языкознание. Близко с сопоставительным языкознанием связано родственное ему лингвистическое направление, известное под названием контрастивного языкознания. Данные направления описываются, например, в монографии представителей Воронежской лингвистической

школы И. А. и М. А. Стерниных [Стернин, Стернина 2021].

Сущность сопоставительного подхода заключается в следующем. Главный предмет освещаемого направления языкознания – это изучение одноуровневых явлений и однородных семантических полей как в пределах одного языка, так и в нескольких различных языках, которые при этом не обязательно являются родственными [Стернин, Стернина 2021: с. 17]. Сопоставляться могут как структурные явления на поверхностной форме, так и явления на семантическом уровне. Последний фактор является особенно важным в исследовании паремий, поскольку в различных языках паремии, как правило, совпадают по своей семантике, но не по своей структуре.

В связи с этим становится возможным применение методов сопоставительного изучения тех семантических полей, образов и лингвокультурных констант (концептов), которые на языковом уровне эксплицируются в пословицах и поговорках. Таким образом, можно говорить об отдельном направлении сопоставительно-лингвистических исследований, а именно, о сопоставительной паремиологии. В связи с этим М. Л. Ковшова упоминает о том, что лингвокультурология как дисциплина близка к сопоставительной и контрастивной лингвистике, исследуя идентичный материал, однако, на более высоком уровне обобщения с целью выявления особенностей этнического мировосприятия и «этнической логики языка» [Ковшова 2013: с. 49].

Сопоставление паремиологических единиц одинакового уровня – а именно, пословиц и поговорок – можно назвать, следуя терминологии М. А. Стерниной и И. А. Стернина, линейным сопоставлением [Стернин, Стернина 2021: с. 17], поскольку здесь сопоставляются единицы языка, относящиеся к одному уровню (а именно, к фразеологии).

Классические методы сопоставительного исследования лексики, представленные в цитированной выше работе [Стернин, Стернина 2021: с. 18-19], оказываются применимыми и для исследования фразеологии. Более

того, М. А. Стернина и И. А. Стернин со ссылкой на мнения ряда других исследователей (в частности, В. М. Мокиенко) утверждают [Стернин, Стернина 2021: с. 19], что именно сопоставление единиц лексического и фразеологического уровней следует разрабатывать наиболее полно, поскольку модели сопоставляемых лингвистических уровней являются наиболее динамичными в семантическом отношении, а также наиболее подвержены влиянию различных экстралингвистических факторов.

В частности, влияние последних широко представлено в семантике различных фразеологических и паремиологических единиц, таких как, например, пословицы и поговорки. Это происходит, прежде всего, потому, что в паремиях могут быть представлены реалии быта того этноса, в коммуникации которого они функционируют, культурно-исторические реалии, а также в паремиологических единицах может проследиваться связь с литературным процессом соответствующего этноса.

Контрастивная лингвистика также представляет собой отдельное направление, посвященное выявлению сходств и различий между языками, которые могут быть как родственными друг другу, так и неродственными. В частности, контрастивная лексикология занимается исследованием сходств и различий в лексических и фразеологических единицах одного языка относительно другого [Стернин, Стернина 2021: с. 39]. По этой причине становится возможным применение методов контрастивного анализа для исследования всевозможных русских паремий.

Направлением, близко примыкающим к контрастивной лексикологии, является контрастивная семасиология. Контрастивная семасиология занимается исследованием значений различных единиц одного языка в сопоставлении со значениями другого с целью выявления различий в этих значениях [Стернин, Стернина 2021: с. 39].

Нам представляется, что контрастивная семасиология (как направление, входящее в общее исследовательское русло контрастивной лингвистики)

может использоваться для анализа семантики различных паремий. Ее использование становится возможным, прежде всего, потому, что семантика данных паремий может быть идентичной при том, что на уровне поверхностной структуры данные паремии могут существенно различаться.

Исходя из описанных выше особенностей сопоставительного языкознания и контрастивного языкознания как отдельных исследовательских направлений, можно рассматривать и существование контрастивной паремиологии. Ее главным предметом, таким образом, является сопоставление паремиологических единиц, а также выявление сходств и различий между ними как на поверхностной форме, так и на уровне глубинной семантики (лексической либо грамматической). При этом сопоставление может проводиться на межъязыковом уровне, так и на внутриязыковом.

Данное замечание представляется важным для нашего исследования, поскольку открывает возможность для сопоставления между собой русских односоставных пословиц, принадлежащих к различным регистрам языкам (либо к его различным вариантам). Поскольку с помощью данного метода можно выявлять сходства и различия между отдельными подтипами односоставных пословиц, в дальнейшем мы будем апеллировать к этому методу.

1.2 Проблема классификации русских паремиологических единиц

Существуют различные классификации паремий (пословиц и поговорок). Одна из таких возможных классификаций представлена в работе Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко [Алефиренко, Семененко 2009: с. 30-37]. Данная классификация основана на выделении того принципа номинации, который используется как для обозначения фразеологической единицы, так и для обозначения входящих в нее компонентов.

В соответствии с данной классификацией выделяют следующие группы

фразеологических единиц, к которым можно отнести также и пословицы и поговорки:

1. фразеологические сращения: это семантически неделимые устойчивые обороты, значение которых не связано (то есть, его невозможно вывести) из совокупности значений всех входящих в него компонент [Алефиренко, Семененко 2009: с. 31]. В данную группу входит существенная доля всех русских пословиц и поговорок;

2. фразеологические единства: в отличие от сращений часть компонентов, входящих в состав единства, семантически мотивирует всю семантику общего фразеологизма [Алефиренко, Семененко 2009: с. 32]. К этой группе также можно отнести ряд русских пословиц и поговорок;

3. фразеологические сочетания, в которых одно слово представлено в прямом своем значении, а оставшееся (либо оставшиеся) – в переосмысленном [Алефиренко, Семененко 2009: с. 34-35]. Такая совокупность прямых и непрямых номинаций семантически мотивирует сочетание. В эту группу входят некоторые поговорки и крылатые фразы русского языка;

4. фразеологические выражения. По своей структуре и семантическим свойствам данная группа принципиально ничем не отличается от вышеуказанных [Алефиренко, Семененко 2009: с. 36-37]. Ее отличие от прочих групп заключается в том, что фразеологические выражения существуют в языке и в сознании говорящих как бы «в уже готовом виде»: во время коммуникации они (вместе с их значениями) просто воспроизводятся говорящими подобно клише. Ряд крылатых фраз русского языка относится к этой группе.

Выше уже говорилось о том, что в исследованиях фразеологии и паремиологии может успешно использоваться лингвокультурологический подход. Это происходит потому, что паремии являются одним из наиболее частотных объектов исследования в лингвокультурологии, поскольку они

репрезентируют культурно значимые языковые смыслы.

В связи с вышесказанным важным представляется введенное О. В. Ломакиной в монографии «Очерки русинской фразеологии» понятие национального лингвомаркёра (или этнолингвомаркёра), тесно связанное с языковым выражением тех или иных культурно специфичных смыслов паремии. Национальный лингвомаркёр определяется как компонент паремии, фразеологизма либо крылатой фразы, который передает национальное своеобразие и запечатлевает в себе культурную память этноса или народа [Ломакина, Мокиенко 2021: с. 7], являющегося носителем данного языка.

О. В. Ломакиной выделяется несколько типов национальных лингвомаркёров, которые встречаются в различных паремиологических единицах [Ломакина, Мокиенко 2021: с. 7-8]:

1. имена собственные, с которыми может быть связан ассоциативный ряд, которые несут в себе определенные коннотации, а также выражают определенный национальный и местный колорит. Имена собственные также могут функционировать в качестве прецедентных имен, т. е., таких имен, которые общеизвестны в данной лингвокультуре;
2. наименования различных этносов, народов и племен;
3. наименования материальных артефактов данной культуры, среди которых можно выделить одежду и предметы быта.

Все указанные выше лингвомаркёры в том или ином виде представлены в русских паремиологических единицах. Их конкретные представления в языковом материале будут анализироваться ниже в данном параграфе.

Следует также отметить, что среди национальных лингвомаркёров первой группы отдельно можно выделить различные подтипы имен собственных [Ломакина, Мокиенко 2021: с. 8], к которым относятся: антропонимы (имен собственные людей), топонимы (географические наименования), этнонимы (наименования различных народов), хрононимы (наименования различных праздников, известных в данной национальной

культуре), зоонимы (клички животных). Необходимо подчеркнуть, что каждый из классов лингвомаркёров представлен в различных русских паремиях неравномерно. Так, если говорить об именах собственных, то чаще всего в них встречаются разного рода антропонимы, топонимы и хрононимы, а зоонимы практически не встречаются совсем.

П. С. Дроновым отмечается, что национально-культурная специфика тех или иных идиом зачастую может быть связана с местными реалиями [Дронов 2018: с. 11]. В частности, идиомы и паремии являются богатым источником лингвострановедческой информации, что, очевидно, обусловлено той языковой и лингвокультурной ситуацией, в которой они сформировались, развивались и использовались/используются.

В связи с обсуждением национально-культурной специфики фразеологических и паремиологических единиц представляет интерес лингвокультурологическая классификация русских пословиц и поговорок, которая была создана в соответствии с отображением особенностей русского национального характера и русского менталитета в паремиях разного рода. В этой классификации отображаются типизированные представления о русской национальной модели мира, отображенной в соответствующем паремиологическом фонде.

В данной классификации все паремии – то есть, пословицы и поговорки русского языка – были разделены на 13 основных тематических групп в соответствие с тем смысловым содержанием или теми стереотипизированными представлениями о национальном характере, которые в них выражаются.

Выделяются пословицы и поговорки, связанные со следующими тематическими группами, представленными под отдельными пунктами ниже:

1. тематическая группа «воспитание и дисциплина». Ее прагматика – необходимость соблюдения установленных общественных правил поведения, жизненного распорядка и т. п. Примерами пословиц из данной

группы может служить такая пословица как *ложись с курами, а вставай с петухами*;

2. тематическая группа «эмоции и чувства». Пословицы данной группы с лексико-тематической точки зрения объединяются тем, что в них выражена необходимость сдерживать свои эмоции, не поддаваться воздействию чувств и минутной страсти. Примером пословицы из этой группы может служить следующая *береги платье снову, а честь смолоду*;

3. тематическая группа «работа и трудовая деятельность». Пословицы, представленные в данной группе, амбивалентны: с одной стороны, прагматически они подчеркивают необходимость трудиться, в них порицается безделье и праздность. С другой стороны, в некоторых пословицах из этой группы представлено отношение к труду как к чему-то, что не требует высокого напряжения сил, что можно (при необходимости) отложить на потом. Примерами каждой из пословиц указанных классов могут служить такие, как *Как потоплешь, так и полоплешь* и *Всех дел не переделаешь – успеется*;

4. тематическая группа «расторопность». В пословицах этой группы расторопность оценивается как положительное качество с прагматической точки зрения. Примером пословицы из этой группы может служить следующая: *Поздно пришел – нашел обглоданный мосол*;

5. тематическая группа «чревоугодие». В традиционной русской культуре чревоугодие оценивается как негативное качество, что находит соответствующее отражение в пословицах и поговорках. Примером такой пословицы из данной группы может служить следующая: *Жадное брюхо ест по уху*;

6. отдельную тематическую группу составляет группа «человек и его судьба». Пословицы, представленные в данной группе, также амбивалентны: с одной стороны, в них подчеркивается, что человек сам способен добиваться многого (*Каждый сам творит свою судьбу*). С другой

стороны, в некоторых пословицах из этой группы представлено понимание судьбы как некоей неотвратимой силы, от которой невозможно уйти и действия которой невозможно избежать (*От судьбы не убежишь/От судьбы не убежать*);

7. тематическая группа «время». Время в традиционной русской лингвокультуре маркируется как положительная лингвокультурная константа, что отражено, в частности, в такой пословице как *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*;

8. тематическая группа «семья и семейные отношения». В традиционной русской лингвокультуре семья и семейные отношения представлены как та ценность, которая маркируется положительно, что находит отражение и в соответствующих пословицах. Важность и ценность семьи и семейных отношений, а также супружеских отношений подчеркивается, например, в такой пословице как *У хорошей жены и муж будет честен*;

9. лексико-тематическая группа «труд». В традиционной русской лингвокультуре труд маркируется положительно. При этом подчеркивается необходимость работать, трудиться, заниматься делом (*Не бывает скуки, когда заняты руки*);

10. лексико-тематическая группа «гордость и гордыня». Данная лексико-тематическая группа также амбивалентна: с одной стороны, пословицы, входящие в данную лексико-тематическую группу, подчеркивают, что не стоит слишком сильно гордиться и превозноситься (*Пустой колос выше стоит; Не надувайся – лопнешь*). С другой стороны, в пословицах этой группы гордость маркируется как положительное качество: подчеркивается важность достойного поведения и достойной жизни (*Лучше смерть славная, чем жизнь позорная*);

11. лексико-тематическая группа «предусмотрительность и осторожность». Пословицы данной группы выражают идею того, что нет

необходимости идти на риск без необходимости. Предусмотрительность в них оценивается как положительное качество: *Не буди лихо, пока оно тихо*;

12. лексико-тематическая группа «дом». Дом представляет собой одну из важнейших лингвокультурных констант традиционной русской лингвокультуры. Дом являет собой центр освоенного человеком пространства, при этом остальное пространство противопоставляется дому как незнакомое, неосвоенное. Примером пословицы из данной лексико-тематической группы является *В гостях хорошо, а дома лучше*.

Можно сделать вывод, что пословицы и поговорки репрезентируют основные аксиологические представления традиционной русской культуры, что в ней оценивается как положительное качество, а что маркируется как аксиологически негативное. В частности, такие лингвокультурные константы как *дом, семья, труд* и т. д. обычно положительно маркируются в пословичном и поговорочном фонде русского языка. Негативные качества человека и его пороки (такие, например, как жадность, лень, безрассудство и т. п.) маркируются отрицательно в соответствующих фразеологических и паремиологических единицах русского языка.

1.3 Основные особенности языка русских пословиц

Важной культурной константой, репрезентируемой в паремиологии, является лингвокультурная константа «дом/семья» (что можно видеть из материалов предшествующей таблицы). Согласно данным, приводимым в исследовании Л. Б. Кацюбы [Кацюба 2021: с. 29-30], семья для носителей русского языка являет собой не формальное объединение людей, а единство, связанное теплыми близкими родственными взаимоотношениями. Исходя из психолингвистических данных, приводящихся в цитируемом выше исследовании, носители русского языка подчеркивают необходимость большего единения в семья, при этом центром такого единения для них выступает именно их дом.

В связи с этим, вслед за автором приведенной выше монографии [Кацюба 2021: с. 30], следует указать на то, что лингвокультурные ассоциации носителей русского языка со словами «дом» и «семья» значительно более широки, чем дефиниции этих слов, представленные в нормативных толковых словарях.

Поскольку образ человека является универсальным культурным архетипом, что обосновывалось в предшествовавших параграфах, то он, соответственно, отображается и в паремиологическом фонде языка. Образ человека ярко представлен в паремиологическом фонде русского языка.

Как показано в работе Е. Ю. Танасейчук [Танасейчук 2008: с. 211-213], сравнительный анализ русских пословиц с пословицами других языков (в частности, английского), а именно их содержательной стороны, позволяет выделить следующий семантический параметр, связанных с репрезентацией образа человека:

Первый семантический параметр можно описать таким образом: Человек есть дух и тело. Такое представление о человеке присутствует и в русской, и в английской паремиологических моделях мира, что подтверждается наличием более пятнадцати русских пословиц и двух английских (ниже для удобства восприятия и сравнения англоязычные паремии приводятся в русском дословном переводе). Можно сопоставить данный языковой материал с приводившимися ранее рассуждениями Ю. Д. Апресяна о наличии у человека как телесных систем, физических и физиологических, так и душевных (психологических) систем [Апресян 1995: с. 42-43].

В пословицах, характерных для традиционной русской лингвокультуры, душа и тело образуют бинарную оппозицию: *Плоть грешна, да душа хороша*. Используя философскую терминологию, в них обнаруживается противопоставление материального и идеального (душа маркируется как наиболее аксиологически значимый концепт): *Сердце вещун,*

а душа мера; Душа всего дороже.

Душа представляет собой сущность, которая не может быть доступна рациональному познанию. Для передачи такого ее свойства используются различные сравнения и метафоры (сравнение с окном, с темным пространством):

Чужая душа – потемки; В сердце нет окна; Что у брата в руках, вижу, что у него на уме, не вижу.

Здесь наблюдается символизация образа человека, отдельных его частей тела (например, сердце, руки) за счет использования метафоры. При этом сопоставляются образы, связанные с телесной сферой (например, руки), и образы, связанные со сферой психического (ум). Либо же душа человека сопоставляется с каким-то экспрессивным образом, словом, обладающим визуальным компонентом в семантике, как лексема «потемки» в приведенном случае: В. П. Москвиным подобные слова, в том числе, обозначения цвета, обозначаются как дескриптивная лексика, имеющая перцептивное значение [Москвин 2012: с. 78-79].

Некоторые пословицы русского языка – *Мир во зле лежит; Мир в суетах, человек во грехах* и т.п. – отражают христианскую аксиологию и влияние христианской культуры и христианской религиозной философии на русскоязычную лингвокультуру. В этих пословицах отображается представление о мире, погрязшем во зле и в грехах, а также об испорченности человеческой природы, ставшей результатом грехопадения праотца человечества Адама (что было описано в Книге Бытия).

Важной характеристикой человека и его качеств в русской традиционной культуре представляется также и честь. Это отображается в соответствующем паремиологическом фонде, в котором крайне широко представлена актуализация данного концепта. Приведем здесь несколько примеров такой актуализации:

1. *Бесчестье хуже смерти;*

2. *В ком честь, в том и правда;*
3. *За честь – хоть голову с плеч;*
4. *Не тот правей, кто сильнее, а тот, кто честней.*

Как можно видеть из представленных выше примеров, концепт «честь» у носителей русского языка тесно связывается с концептом «правды». Данные концепты обладают положительными коннотациями и маркируются как аксиологически значимые. Напротив, противоположный концепту «честь» концепт «бесчестье» обладает отрицательными коннотациями и весьма негативно маркируется аксиологически, что можно видеть, исходя из первой поговорки в списке выше.

В исследовании Л. Б. Кацюба отмечается [Кацюба 2021: с. 116-117], что рассматривавшиеся выше концепты тесно связаны с духовным миром человека и с морально-нравственными категориями, что позволяет также связать их с осмыслением образа человека в языке и его лингвальной репрезентацией.

Важным концептом русской лингвокультуры, который выражается при помощи поговорок, является и концепт «дружба». Он также репрезентирован во множестве различных поговорок, многие из которых являются весьма известными. Приведем следующие несколько примеров:

1. *Не имей сто рублей, а имей сто друзей;*
2. *Для друга и семь верст не околица;*
3. *Друзья познаются в беде;*
4. *Дружба дружбой, а служба службой.*

Данные поговорки представляют следующие концептуальные смыслы, связанные с рассматриваемым концептом [Кацюба 2021: с. 133-134]: во-первых, в традиционной русской культуре дружба маркируется как одна из наиболее важных для человека ценностей. Во-вторых, подчеркивается сама ценность дружеских отношений, их приоритет перед материальными благами. Для друзей ничего не жалко (...и семь верст не околица), кроме того,

друзьям следует помогать и выручать их в беде и в тяжелых жизненных невзгодах. Вместе с тем (что представлено в четвертой поговорке из вышеприведенного списка), дружба не должна оказывать влияния на трудовые и деловые отношения: она не должна каким-либо образом вмешиваться в служебные обязанности или препятствовать их исполнению.

В пословичном фонде русского языка также представлено осмысление человеческой природы как несовершенной сущности. Такое осмысление представлено, к примеру, в нижеследующей паремии: *Человеку свойственно ошибаться*. Данная паремия восходит к латинскому изречению *Errare humanum est* входит в общий паремиологический фонд европейских языков. В этой поговорке можно также увидеть влияние классического античного наследия (и, соответственно, классических языков) на русскую лингвокультуру.

Представления о несовершенстве природы человека отражены, к примеру, в русской паремии: *Ни праведник без порока, ни грешник без покаяния*. Подобные представления также, вероятно, сложились под влиянием христианства и христианской антропологии на обыденные представления о человеке, отраженные в соответствующих паремиологических единицах, а, следовательно, и в модели мира.

Вышеуказанные сопоставления были необходимы для того, чтобы определить основные лингвокультурные константы (концепты) русского языка и их основные отличия на фоне других европейских языков.

Здесь следует несколько более подробно остановиться на специфике осмысления зооморфных концептов в современной лингвокультурологии. Вначале необходимо отметить, что образы животных на всем протяжении человеческой истории имели большую культурную значимость и ценность. Это отражалась и на языковой экспликации образов животных. Уже в глубокой языческой древности существовал культ животных, что отмечается, в частности, в монографии Н. А. Киндри: «Считалось, что животные – это

божества (как добра, так и зла), которые живут в человеческом облике в потустороннем мире. В посюстороннем мире животные предстают как в облике дьявола или колдуна, так и в облике человека-спасителя, в виде оберега, в виде героя и вообще способны к различным волшебным превращениям. Животные считались предками человека» [Киндря 2015: с. 13].

Данные архаические представления отражаются и в традиционной народной культуре, в частности, в мифах о происхождении того или иного народа (животные считались его предками-прародителями), в героическом эпосе, где часто главный герой может происходить от какого-либо зверя, в сказках и народных преданиях. Наконец, стереотипические представления о тех или иных животных, которые могут частично отображаться и в фонде фразеологизмов и паремий этноса. В нем отображаются как стереотипные представления этноса о культурно значимых для него животных, так и архаические представления этноса о строении окружающего их мира, что также передается при помощи зооморфных образов.

В связи с этим Н. А. Киндря отмечает, что «большую роль животные играли в древних суевериях индоевропейских народов» [Киндря 2015: с. 16]. Обобщая данное высказывание, можно утверждать, что животные играли и играют большую роль в культурах не только индоевропейских, но и многих других (практически всех) народов, в частности, разговаривающих на языках семитской семьи.

В рамках настоящего исследования следует, помимо прочего, остановиться и на вопросе о соотношении интернациональных, национальных и национально-специфичных элементов в составе русских паремий. Как указывается в монографии «Паремиология на перекрёстке языков и культур» [Паремиология на перекрёстке... 2021: с. 53], национальная специфика фразеологии выявляется на фоне сопоставления фразеологии в конкретном языке с другими языками (зачастую близкородственными).

Представляется, что подобные фразеологические и паремиологические единицы, общие для многих или для большинства языков, являются фреквенталиями фразеологического уровня [Паремиология на перекрёстке... 2021: с. 59]: то есть, такими фразеологическими единицами, которые наиболее частотно встречаются в языках мира.

Следует отметить, что, по большей мере, универсалии, связанные с пословицами и поговорками, являются семантическими, т. е., связанными с содержанием фразеологизмов [Паремиология на перекрёстке... 2021: с. 60], в то время как средства выражения данной семантики, а также образные средства, лежащие в основе фразеологизма, могут существенно варьироваться. Так, английская пословица *Plenty is no plague* и русская пословица *Кашу маслом не испортишь* являются семантически эквивалентными, при том, что образность, лежащая в основе каждой из них, существенно различается: номинация, представляющая образ опасного заболевания (а именно, чумы) и образ продукта питания.

Кроме того, следует учитывать, что общность как в семантике, так и в структуре паремий может проистекать из общего источника заимствования. Так, если говорить о европейских языках, в которых обнаруживается значительная общность паремий между собой (а также в ряде аспектов и с русским языком), то общим источником, который служит донором фразеологизмов, является, в первую очередь, античная культура, а также книги Ветхого и Нового Завета. Поскольку фразеология европейских языков калькировалась (либо переводилась) из этих источников, то этим фактом и объясняется ее близость, при том, что в этих случаях фразеологические единицы не представляют собой заимствования из одного языка в другой.

Источником значительного числа русскоязычных идиом также является античная культура: в этом случае можно говорить об опосредованном заимствовании фразеологии и паремиологии, хотя зачастую идиомы, имеющиеся в европейских языках, лакунарны, поскольку соответствующая

идиома в русском отсутствует, и наоборот. Множество идиом вошло в русский язык посредством старославянской и церковнославянской книжности, восходя, в конечном счете, к ветхозаветному или новозаветному источнику. При этом идиомы такого типа – их называют библеизмами – имеют параллели и в других европейских языках.

Вместе с тем нельзя не согласиться с П. С. Дроновым [Дронов 2018: с. 9-10], который утверждает, что существенная доля фразеологических единиц любого языка вообще не имеет прямых эквивалентов в других языках (или другом языке). Цитируемый автор объясняет это как национально-культурной спецификой той фразеологии и паремиологии, что возникла на «автохтонной» почве какого-либо языка (в частности, русского), так и несовпадением в технике номинации того или иного фразеологизма либо паремии. При этом в основу именованья зачастую кладется случайным образом выбранный признак.

Даже те фразеологические и паремиологические единицы, которые близки в плане содержания и плане выражения, зачастую обладают значительными различиями [Дронов 2018: с. 11]. Эти различия могут лежать в сочетаемости, спектре значений либо в имеющихся коннотациях. Так, русскоязычный библеизм *альфа и омега*, имеющий параллели и в других европейских языках (в частности, в английском), которые восходят, в конечном счете, к одному источнику – книге Апокалипсиса, обладает единственным значением 'важный компонент ч.-л.', 'существенная характеристика либо качество ч.-л. или к.-л.'. В отличие от соответствующего англоязычного библеизма *alphaandomega* русскоязычный библеизм не употребляется в значении 'начало и конец ч.-л.' [Дронов 2018: с. 11].

Универсальность и специфичность пословиц также определяются, как пишут авторы указанного выше исследования [Паремиология на перекрестке... 2021: с. 63], также и социокультурными, а также и когнитивными факторами. Такие факторы, прежде всего, связаны с

общностью функционирования механизмов познания у представителей разных культур, а также общими паттернами когнитивно-языковой деятельности. Наряду с этим, ряд универсальных общекультурных черт также может находить отражение в паремиологическом фонде того или иного языка, будучи соответствующим образом представленным на вербальном уровне.

Выводы по Главе I

Пословицы представляют собой специфическую форму паремиологических единиц. Последние входят в более широкий класс устойчивых словесных комплексов, а именно, в группу фразеологизмов.

Традиционное определение пословицы во фразеологических исследованиях таково: это краткое, устойчивое образное выражение, имеющее, как правило, ритмизованную структуру и передающее какую-либо идею или сентенцию морально-нравственного характера, в которой отображается социальный опыт данного этноса или народа.

Наряду с пословицами к паремиологическим единицам относятся также и поговорки, афоризмы, крылатые фразы и изречения и т. д. Особенность последних заключается в их генезисе: если у афоризмов и крылатых фраз, как правило, известен автор, то поговорки и пословицы обычно имеют фольклорное происхождение (т. е., являются продуктом коллективного авторства и коллективного языкового мышления).

Таким образом, в пословицах и поговорках может заключаться и транслироваться многовековой опыт концептуализации мира данным этносом и данным социумом, а также своеобразная «наивная философия» носителей конкретного языка.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что последнее утверждение релевантно далеко не для всех пословиц и поговорок, поскольку паремиологический фонд современного русского языка содержит единицы,

существенно различающиеся по происхождению. Так, наряду с исконно русскими, а также общеславянскими паремиями, во фразеологический фонд русского языка входят пословицы и поговорки, восходящие к соответствующим единицам классических языков, фразеологизмы библейского происхождения, заимствования из европейских языков, а также «бродячие» панъевропейские фразеологизмы. Помимо прочего, в последнее время пословично-поговорочный фонд русского языка пополняется за счет перехода авторских крылатых фраз и выражений в разряд узуальных. При этом у них теряется связь с конкретным лицом, являющимся их создателем.

С лингвистической точки зрения русские пословицы представляют собой конструкцию. Здесь этот термин понимается в том смысле, какой ему придается в грамматике конструкций. Это означает, что семантика цельного выражения (фразеологической единицы) невыводима при помощи простого суммирования всех составляющих компонентов данной языковой единицы. Таким образом, русские пословицы репрезентируют так называемую синергию смыслов.

С лингвистической точки зрения язык русских пословиц интересен еще и тем, что в нем содержится множество примеров культурно нагруженной и культурно значимой лексики. Эта лексика связана с традиционными занятиями и промыслами русского народа, предметами материального быта, домом и наименованиями жилищ, терминами родства, зооморфными образами и т. д. Такого рода лексикон позволяет дать репрезентацию той языковой модели мира, которая представлена в русскоязычных пословицах и поговорках.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ И ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

2.1 Особенности синтаксической семантики односоставных предложений в языке русских пословиц

Для начала следует дать определение некоторым терминам, которые будут часто использоваться в дальнейшем изложении. Среди них особенно важным будет термин предикат, к дефиниции которого существует различные подходы.

Так, Г. А. Нечаев фактически приравнивает данное понятие по содержанию к термину «сказуемое» [Нечаев 1976: с. 115]. Вместе с тем, этим же автором в качестве важнейшей черты предиката (и, соответственно, предложения) выделяется предикативность. Последняя определяется им как показатель соотношения содержания предложения с реальной действительностью [там же]. Предикативность представлена с помощью ряда грамматических категорий, а именно – с помощью категории лица, времени и модальности, и конкретизируется с их помощью.

Таким образом, понятие предикативности тесно связано с понятием предикации. Если последняя представляет собой сам процесс соотнесения содержания высказываемой мысли с действительностью, то предикативность являет собой меру этого отношения. Важным также является понятие предикативного сочетания [там же]: оно представляет собой грамматический центр двусоставного предложения, представленный в виде сочетания сказуемого (предиката) с подлежащим.

А. В. Гладкий характеризует предикативное отношение как отношение между подлежащим и сказуемым в предложении [Гладкий 2018: с. 28]. Таким образом, благодаря предикативному отношению возникает синтаксическая структура и, соответственно, само предложение. Более точно, предикативное

отношение можно охарактеризовать как отношение между предикатом (сказуемым) и первым аргументом данного предиката [Гладкий 2018: с. 62-63], поскольку в современном русском языке представлены различные типы предикатов: как одноместные, так и многоместные. Представлены они и в языке русских пословиц. В любом случае, в рамках подхода, представленного в монографии А. В. Гладкого, основной функцией предиката и предикации является создание и поддержание синтаксических связей и создание синтаксической структуры предложения.

Ю. С. Степанов в своем определении предиката следует традициям логического направления в языкознании и логического подхода к анализу языка. Предикат им понимается как особого рода логическая функция [Степанов 2012: с. 354], которая определяется как по собственной семантике (например, она может передавать различные качества, признаки, действия и т. д.), так и по характеристикам тех имен, сочетания которых с данным предикатом являются допустимыми. Допустимость того или иного сочетания имени с предикатом в естественном языке становится возможным благодаря явлению семантической сочетаемости.

Из определения предиката, данного в цитируемой выше монографии Ю. С. Степанова, вытекает очень важное следствие: предикаты могут быть классифицированы не только по своим логическим свойствам или характеристикам, но также и по своей собственной семантике, а также по типам допустимых сочетаний с конкретными именами-термами. Ниже этот вопрос также еще будет затрагиваться.

Прежде всего, следует заметить, что синтаксис русских пословиц с односоставными предложениями может быть как простым, так и сложным. При этом мы рассматриваем только такие типы сложных предложений, каждая составная часть которых (клауза) содержит в себе только односоставный компонент. Смешанные типы (одна клауза в которых является простой, а другая составной) в данной работе не рассматриваются.

Говоря о синтаксических особенностях русских пословиц, нельзя не отметить их семантические особенности, поскольку, с позиции грамматики конструкций, синтаксис определяет семантику, и семантика определяет синтаксис. По этой причине следует коснуться одной из главных особенностей языка русских пословиц, а именно, обобщенной семантики.

На синтаксическом уровне обобщенная семантика передается при помощи предложений любого типа – двусоставных, односоставных, личных и безличных. Однако, в языке русских пословиц в данном отношении существенно преобладают односоставные безличные и неопределенно-личные предложения.

Преобладание односоставных предложений в языке русских пословиц с семантико-синтаксической точки зрения объясняется тем, что агенс в такого рода предложениях представлен в высшей степени в обобщенной форме (только лишь морфолого-синтаксическим способом), при том, что семантика выражается эксплицитно при помощи соответствующего глагольного предиката.

Обобщенная семантика в односоставном предложении передается при помощи различных средств. Опять же, здесь следует сказать о том, что семантические средства взаимодействуют с синтаксическими, и наоборот. Так, в формировании обобщенного предложения в языке русских пословиц участвуют как синтаксическая структура, порядок слов, морфологические особенности предиката, так и его лексико-семантические особенности.

Таким образом, в рассматриваемом случае главный член предложения (предикат) представлен при помощи различных глагольных форм. Репертуар различных глагольных форм, которые могут быть представлены в предикативной функции в пословице, может варьироваться. Ее могут выполнять как нефинитные глагольные формы (т. е., инфинитив), который в данном случае несет на себе семантическую нагрузку, так и финитные – спрягаемые – глагольные формы. При этом последние употребляются

независимо, поскольку именно на них лежит основная лексико-семантическая и синтаксическая нагрузка.

Агенса в односоставных пословичных предложениях может передавать только два различных типа деятеля [Монина 1993: с. 10]. Либо это человек, либо неопределенные (или неопределяемые) природные, а также сверхъестественные силы. Конкретизация деятеля имеет различную степень: в безличных и инфинитивных она проявляется менее всего (поскольку безличные предложения, как правило, выражают различные природные процессы). Наиболее конкретизирован агент в определенно-личных предложениях.

Следует заметить, что для языка русских пословиц характерны именно такие предложения, в которых агент конкретизирован менее всего, т. е., предложения обобщенной семантики. Насчитывается три основных типа таких предложений:

1. обобщенно-личные предложения;
2. инфинитивные предложения;
3. безличные предложения.

Как можно видеть, предложения, в которых деятель конкретизируется в наиболее степени – а именно, неопределенно-личные и определенно-личные – в языке русских пословиц не представлены (по рассмотренным выше причинам).

2.2 Классификация основных синтаксических моделей односоставных предложений в языке русских пословиц

В работе Е. Н. Платоновой говорится о том [Платонова 2010: с. 101], что не каждое односоставное предложение получает широкое использование в языке пословиц, а только те, которые характеризуются наибольшей типизированностью и, соответственно, соотнесенностью с теми или иными типизированными ситуациями. По этой причине больше всего в языке

русских пословиц распространены обобщенно-личные предложения.

Данный тип предложений характеризуется рядом семантических особенностей: в частности, высказывание, в котором употребляется такой тип предложений, отражает не конкретную ситуацию либо конкретное событие, а обобщенный образ какой-либо ситуации. По этой причине с прагматической точки зрения такие высказывания часто выполняют функцию сентенций или максимум морально-нравственного характера, что отражается и в языке русских пословиц.

В предложениях данного типа также зачастую передается обобщенное значение времени, которое нельзя соотносить с конкретным моментом прошлого, настоящего или будущего. По этой причине применительно к предложениям такой семантики говорят об обобщенной категории времени, что отражается и в языке русских пословиц. В частности, в пословице *Прежде веку не помрешь* не зафиксирован ни конкретный момент речи, ни конкретный момент наступления данного события. Некоторые из предложений такого типа выражают действие, обычное или привычное для деятеля либо считающееся распространенным в данном социуме: примером может служить пословица *Огонь маслом не тушат*.

Существуют различные способы выражения предикатного ядра в односоставном предложении в языке русских пословиц. Кратко перечислим основные из них:

1. глагол в изъявительном наклонении второго лица единственного числа: *Кашу маслом не испортишь*;
2. императив второго лица единственного числа: *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*;
3. глагол в изъявительном наклонении третьего лица множественного числа: *Цыплят по осени считают*;
4. формы прошедшего времени (реже, чем вышеперечисленные глагольные формы): *Одним выстрелом двух зайцев убил*;

5. глагол в изъявительном наклонении первого лица каждого из чисел (встречается существенно реже, чем перечисленные формы): *Свою беду руками разведу, а к чужой ума не приложу.*

Наиболее типичным распространенным средством выражения обобщенной семантики в языке русских пословиц является глагол, стоящий во втором лице единственного числа изъявительного наклонения. Благодаря использованию данной формы, пословица наделяется морально-нравственным содержанием, которое относится не только к конкретному слушателю, но (потенциально) и к каждому человеку.

В односоставных предложениях в языке русских пословиц представлены различные модели синтаксических структур. Самой распространенной является трехчленная модель, в составе которой выделяются следующие подтипы:

1. имя существительное (творительный падеж) + имя существительное (родительный падеж) + глагольное ядро в отрицательной форме (с использованием частицы *не*): *Деньгами души не выкупишь;*

2. существительное в родительном падеже с предложным управлением (предлог *без*) + существительное (родительный падеж) + отрицательная форма глагола (либо отрицательное предикативное слово *нет*). Порядок слов может быть как прямым, так и обратным: *Нет дыма без огня;*

3. существительное (родительный падеж и предложное управление с предлогом *из*) + существительное (родительный падеж) + отрицательная форма глагола: *Из песни слова не выкинешь;*

4. существительное (творительный падеж + предложное управление, предлог *с*) + глагольное ядро: *С тобой каши не сварить;*

5. существительное с предложным управлением *в/на* (управляют либо винительным, либо предложным падежами) + существительное (родительный падеж) + отрицательная глагольная форма: *На чужой каравай рта не разевай.*

Распространенными также являются и такие синтаксические модели как местоимение + существительное + глагольная форма (в том числе и отрицательная): *Нашего полку прибыло, Не в свои сани не садись*; атрибутивная конструкция (прилагательное + существительное) + отрицательная форма глагола: *Старого воробья на мякине не проведешь*. Как можно видеть из последнего примера, к указанной синтаксической модели могут добавляться дополнительные актанты, в частности, существительные с предложным управлением.

Распространены также и двучленные синтаксические модели. Как правило, в их состав входят имена существительные (либо субстантиваты) вместе с глагольной формой, в том числе, и отрицанием. Ниже они кратко перечисляются:

1. существительное или субстантиват в родительном падеже + глагольное ядро: *Здоровья не купишь*;
2. существительное в родительном падеже с различными типами предложного управления + глагольное ядро: *От судьбы не уйдешь, Против правды не попрешь*;
3. существительное (творительный падеж, выполняет, как правило, инструментальную функцию) + глагольное ядро, могут также вводиться и дополнительные актанты: *Слезами горю не поможешь*;
4. существительное в творительном падеже с предложным управлением + глагольное ядро: *Перед смертью не надыхнешься*;
5. существительное в винительном падеже с различными типами предложного управления + глагольное ядро: *На вкус и на цвет товарища нет*;
6. существительное (дательный падеж) + глагольное ядро: *Сердцу не прикажешь*.

Синтаксическая модель, в которую входили бы четыре члена, встречается относительно редко, как и пятичленная. Среди четырехчленных

моделей можно выделить следующие типы конструкций:

1. существительные в косвенно-падежных формах + глагольное ядро (отрицательная форма): *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда;*

2. атрибутивная конструкция вида прилагательное/местоимение/числительное + существительное + существительное в косвенно-падежной форме + глагольное ядро (может быть представлена и отрицательная форма): *Никакими коврижками меня не заманишь.*

Случаи употребления пятичленной модели в языке русских пословиц единичны, так как пословица стремится к краткости формы (в том числе и синтаксической структуры).

Остановимся более подробно на особенностях употребления различных глагольных форм в языке русских пословиц. Так, императив используется в пословицах в тех случаях, когда необходимо выразить суждение морально-нравственного или «воспитательного» характера: *Не рой яму другому – сам в нее попадешь, Не родись красивым, а родись счастливым.*

Форма третьего лица множественного числа в изъявительном наклонении передает обобщенные наблюдения либо обобщенные суждения, относящиеся ко всем людям в целом. Наиболее часто здесь встречаются трехчленные синтаксические структуры, а также четырехчленные: *Дареному коню в зубы не смотрят.* Двучленные синтаксические модели с употреблением таких глагольных форм встречаются реже.

Формы первого лица обоих чисел в изъявительном наклонении настоящего и будущего времени, а также глагольные формы прошедшего времени реже употребляются в языке русских пословиц, поскольку им не свойственно выражение обобщенной семантики. Тем не менее, как пишет известный отечественный русист В. В. Виноградов [Виноградов 1986: с. 377], в ряде случаев форма первого лица единственного числа может употребляться для передачи значения обобщенного субъекта, при этом

семантика персональности может ослабевать.

Зависит обобщенная семантика и от позиции глагольного (шире – предикативного) ядра в предложении. Наиболее часто глагол в односоставных пословицах ставится на последнем месте, примером чему могут служить такие пословицы как *Соловья баснями не кормят, В чужой монастырь со своим уставом не ходят.*

Менее часто глагол ставится в абсолютном начале предложения либо в его центре между второстепенными членами: *Птицу узнают по полету, Будет и на нашей улице праздник.*

Что касается порядка слов, то в односоставных предложениях обобщенной семантики сначала, как правило, следуют второстепенные члены, а только затем – предикативное ядро, которое может находиться, как уже упоминалось выше, и на последнем месте в предложении. При этом прямое, а также в ряде случаев и косвенное дополнение ставится перед главным членом предложения: *По одежке протягивай ножки.* Если в предложении имеется два типа дополнения – и прямое, и косвенное – то косвенное часто следует за прямым: *Старого воробья на мякине не проведешь.*

Семантика, передаваемая в пословицах, связана также и с особенностями употребления глагольных форм. В частности, важной характеристикой является употребление отрицательной частицы *не* при глагольной форме, которая, по словам П. А. Леканта [Лекант 1986: с. 84], выражает невозможность совершения действия либо запрет на его совершение, отсутствие необходимости в его совершении. Существует следующая типология глагольных форм, употребляемых в односоставных предложениях в русских пословицах [Платонова 2010: с. 103]:

1. глагольная форма во 2 лице единственного числа изъявительного наклонения. Выражает значение необходимости, важности совершения действия;

2. глагольная форма во 2 лице единственного числа изъявительного наклонения, при которой стоит частица *не*: выражает запрет на совершения того или иного действия;

3. императив 2 лица единственного числа с частицей *не*: выражает запрет на совершение какого-либо действия, предостережение от его совершения, отсутствие необходимости совершения этого действия;

4. императив 2 лица единственного числа: выражает побуждение к совершению какого-то действия, необходимость его совершения;

5. глагол в 3 лице множественного числа изъявительного наклонения: передает возможность (либо потенциальную возможность) осуществления какого-то действия;

6. глагол в 3 лице множественного числа изъявительного наклонения, при котором употребляется частица *не*: выражает отсутствие необходимости совершения какого-то действия.

Обобщенная семантика в соответствующем типе предложений формируется также и за счет того, что форма и синтаксическая структура пословиц как конструкции являются относительно стабильными, что обеспечивает их устойчивое воспроизведение в коммуникации и в различных ситуациях общения.

По словам Г. А. Золотовой [Золотова 1973: с. 155], в инфинитивных предложениях выражается значительная степень уверенности говорящего в осуществлении какого-то действия либо наступлении какого-то события, чем в односоставных предложениях с финитными формами глаголов. П. А. Лекант пишет о том [Лекант 2006: с. 3], что одним из основных значений, передаваемых при помощи инфинитивных предложений, является ирреалис (модальность нереалистичности, невозможности совершения действия), а также вневременная локализованность действия.

В инфинитивных конструкциях и инфинитивных предложениях могут проявляться дополнительные модальные значения, в частности,

передаваемые при помощи разнообразных частиц. Наиболее используемыми частицами являются *бы*, *ли*, *не*. Первая из них передает желательную модальность и модальность целесообразности [Лекант 1986: с. 93], частица *ли* передает сомнение в сообщаемой информации. Частица *не* используется для отрицания (в том числе и образования отрицательных глагольных форм).

Отрицательные предложения с инфинитивными конструкциями передают модальность невозможности совершения действия либо недопустимость его совершения. Утвердительные предложения с инфинитивными конструкциями, по словам П. А. Леканта [Лекант 2006: с. 6], передают модальность долженствования либо необходимости совершения действия. Ниже приводится типология односоставных предложений с инфинитивными конструкциями в языке русских пословиц в зависимости от передаваемой ими модальности:

1. простая форма инфинитива без дополнительных показателей (модальность долженствования и необходимости);
2. простая форма инфинитива может также иногда передавать и интенциональную модальность (направленность действия либо процесса на определенную цель);
3. инфинитив + отрицательная частица (невозможность совершения какого-либо действия);
4. инфинитив + частица *бы* (желательная модальность);
5. инфинитив + частица *бы* (модальность, выражающая предназначение);
6. инфинитив + отрицательная частица *не* + частица *бы* (передает различный спектр модальностей, в частности, опасение и предостережение).

Обобщенность пословичной семантики передается и благодаря указаниям на вневременность действия. Оно может осуществляться и при помощи использования инфинитива и инфинитивных конструкций. Таким образом, в односоставных пословицах проявляется референция сразу ко всем

временным срезам: как к прошлому, так и к настоящему, и к будущему (*Двум смертям не бывать, а одной не миновать, Плетью обуха не перешибить*).

П. А. Лекант в одной из книг, рассуждая о личном значении инфинитивного предложения, подчеркивает важность его соотнесения с категорией обобщенного деятеля [Лекант 1986: с. 94], поскольку в русском инфинитиве нет никаких указаний на лицо. То, что русский инфинитив таких указаний не содержит, очевидно из особенностей его морфологии. Действие в таком типе пословиц может соотноситься с любым референтом, пример чему являются такие паремии, как *От судьбы не убежать, С совестью не разминуться*.

В инфинитивных предложениях актант, который соотносится с семантической ролью агенса, может стоять в форме дательного падежа, за счет чего таковой может соотноситься со всеми лицами: как с первым, так со вторым и с третьим. Агенса, находящийся в дательном падеже, в языке русских пословиц употребим в обобщенно-личном значении, выражая, опять же, типизированную референцию к тому или иному (но не к конкретному лицу). Эту актантную позицию могут замещать любые части речи, в частности:

1. существительные;
2. местоимения (как правило, либо личные, либо указательные);
3. субстантиваты (то есть слова, перешедшие в разряд существительных из других частей речи).

Инфинитивные предложения безличной семантики, как можно заключить из этого, характеризуются отсутствием точной временной референции, а также отсутствием указанием на конкретное лицо, осуществляющее действие. Таким образом, в предложениях данного типа указанные средства и формируют семантику безличности.

Как правило, в безличных предложениях передается такая ситуация, которая не предполагает участия человека в качестве активного агентивного

начала: производителем каких-либо действий или же носителем какого-то состояния в ней являются стихийные, безличные силы. Примером может служить пословица *Снесло боярские хоромы по самые пороги*, в которой глагольная форма *снесло* предполагает действие какой-то безличной, неопределенной силы.

Существуют также безличные предложения, выражающие значения экспериенцера. Они обладают особой синтаксической структурой, в которую входят глагол в безличной форме и имя, стоящее в дательном падеже, которое этого экспериенцера и обозначает. При этом категорию лица в предложения такого типа могут передавать не только главные, но и второстепенные члены.

В данном случае особенности семантики определяются невозможностью агенса контролировать ситуацию и совершающееся действие: действие (или процесс) протекают помимо его воли. Примером на такую семантику может служить пословица: *Богатому и умирать не хочется*.

Предложения обобщенной семантики передают также в своем составе и различные модальные компоненты. Как правило, эта модальность выражается имплицитно, при помощи употребления соответствующей глагольной формы.

В этом месте нужно уделить некоторое внимание дефиниции понятия «модальность», а также его взаимосвязи с некоторыми другими грамматическими категориями. Модальность в лингвистике определяется как категория, выражающая, во-первых, отношение говорящего к ситуации, и, во-вторых, соотношение данной ситуации с реальным миром [Плунгян 2003: с. 309]. По мнению цитируемого автора все многообразие модальных категорий в языке (если пользоваться широким пониманием модальности) может быть сведено только лишь к данным параметрам.

В широком смысле модальность может пониматься как все те языковые категории, что имеют отношение к смыслу слова и обладают выражением как на уровне формы, так и содержания [Григорьева 2022: с. 13]. Благодаря этому

можно постулировать универсальный общелингвистический характер категории модальности. Тем не менее, ниже модальность будет пониматься нами преимущественно как глагольная категория, которая передает отношение говорящего к тому, что сообщается в высказывании, а также отображает взаимоотношение данного высказывания с реальным миром.

Е. В. Падучева характеризует модальность как особую понятийную категорию [Падучева 2016: с. 19], при помощи которой выражается отношение говорящего к семантике высказывания (т. е., к его содержанию), отношению ситуации, которая представлена в этом высказывании, к реальной действительности и коммуникативную цель говорящего. Модальность на языковом уровне может выражаться различными способами: в частности, она может грамматикализироваться, и тогда она становится наклонением. Об этом же говорится и в работе В. А. Плунгяна [Плунгян 2003: с. 317]. Что касается «неграмматикализованных» способов выражения модальности, то Е. В. Падучева упоминает среди прочих способов конструкции [Падучева 2016: с. 19], под которыми могут пониматься и различные фразеологизмы, паремии, устойчивые выражения и т. д.

Как уже было сказано ранее, категория модальности тесным образом взаимосвязана с другими глагольными грамматическими категориями. Так, довольно прозрачной представляется ее взаимосвязь с категорией глагольного времени. Последняя в языкознании определяется как специфическая грамматическая категория глагола, которая служит для точного (абсолютного) или относительного указания на локализацию события или процесса в потоке исторического времени [Маслов 1990: с. 89]. Следовательно, категория времени специальным образом отображает время реальное (физическое либо историческое).

При помощи форм глагольного времени передаются отношения между моментом совершения действия и моментом высказывания [Плунгян 2017: с. 112-113]. Может быть три варианта такого соотношения: предшествование,

одновременность или последование.

Временная ориентация определяется как относительная в том случае, если момент действия и момент речи, выражаемые при помощи данной грамматической формы, не совпадают. Тесно связаны с временными категориями и видовые категории, которые в современном русском языке составляют единую видо-временную систему [Плунгян 2017: с. 114-115]. Так, Н. М. Стойнова в своем исследовании, посвященном категории будущего времени в современном русском языке [Стойнова 2018], указывает на тесную взаимосвязь категории будущего времени и модальности: в частности, модальности вероятности, предположения, желательности (либо наоборот, нежелательности) наступления какого-либо события. Можно говорить о том, что в самой граммеме будущего времени русского языка заложена дополнительная сема той или иной модальности.

Та или иная видо-временная форма указывает как на временную точку, когда произошло то или иное событие, так и на ту временную точку, когда совершается ситуация говорения. Следовательно, категорию времени у глагола можно отнести к дейктическим категориям: она указывает, относит событие или действие к определенной временной точке. В. А. Плунгян пишет, что видовые категории в языках мира являются обязательными: ситуация, чтобы они не выражались, невозможна [Плунгян 2017: с. 114].

В особенности это относится к противопоставлению перфективных и неперфективных образований, в которых аспект временной соотнесенности часто смешивается с видовым (завершенность/незавершенность действия) [Плунгян 2017: с. 122-123]. Релевантно это также и для индоевропейских языков, к которым также, очевидно, относится и русский язык.

Таким образом, все модальные значения, передаваемые в предложениях обобщенной семантики, которые представлены в односоставных пословицах русского языка, можно разделить на несколько групп (семантическая характеристика каждой группы очевидна из её названия):

1. модальность желательности;
2. модальность возможности;
3. модальность необходимости;
4. модальность неизбежности;
5. интенциональная модальность (целенаправленности).

Существуют различные способы выражения главного члена в безличных предложениях, характерных для языка русских пословиц:

1. предикативное слово *нет* в различных формах, а также ее развернутая трансформация *не бывает*. Примерами здесь могут служить такие пословицы, как *Без счету и денег нету, Дыма без огня не бывает*;

2. лексически полным глаголом в безличной форме в личной форме: *От трудов праведных не наживешь палат каменных*;

3. лексически полной формой безличного глагола: *Перемелется – мука будет*;

4. конструкцией вида «инфинитив + модальный глагол в безличной форме». Здесь можно привести такой пример: *Хотелось постричься, а довелось жениться*;

5. конструкцией вида «отрицательная связка *не* + предикат состояния». Последний, как правило, выражается наречием либо прилагательным в краткой форме. Примером может служить такая пословица: *Промеж худых и хорошему плохо*;

6. конструкцией вида «отрицательная модальная связка + частица *не* + инфинитив». Примером может служить:

Что касается предикативного слова *нет*, то наиболее употребительными формами в языке русских пословиц являются его формы настоящего и будущего времени, а именно *нет* и *не будет*. Здесь можно привести следующие примеры: *В ногах правды нет, С ним ладов нет*. Такие синтаксические структуры, в которых содержится 3 основных члена, являются наиболее распространенными среди всех односоставных русских

пословиц данного типа.

Обобщенная семантика русской пословицы может выражаться также при помощи синтаксической позиции главного члена, как в примере *В ногах правды нет*, где предикативное слово *нет* находится в постпозиции по отношению к второстепенным членам.

Подводя итог типологическому анализу синтаксической структуры односоставных предложений, представленных в языке русских пословиц, можно отметить, что ее формирование происходит на основе соотнесения действия или состояния, выражаемого глагольным предикатом, с той или иной грамматической категорией времени и категорией лица (репрезентирующего деятеля или экспериенцера). Зачастую категория лица в языке русских пословиц выступает не в конкретном, а в обобщенно-типизированном виде. Это, опять же объясняется прагматически, на основе характера пословиц и поговорок, выражающих в свернутом виде социальный опыт народа.

Представляется важным сказать также несколько слов о частотности глагольных форм сказуемого, представленной в каждой из анализируемых пословиц. В нашей выборке формы глагольного сказуемого по частоте употребления распределяются следующим образом:

- настоящее и будущее время, 2 лицо, единственное число (37 пословиц с данным типом глагольного сказуемого);
- 1 лицо, единственное число, изъявительное наклонение в различных временах (5 пословиц);
- 1 лицо, множественное число, изъявительное наклонение в различных временах (8 пословиц);
- 3 лицо, множественное число, изъявительное наклонение в различных временах (36 пословиц);
- 3 лицо, единственное число, изъявительное наклонение в различных временах (49 пословиц);

- различные формы императива (9 пословиц).

Преобладание форм 3 лица в различных числах и временах изъявительного наклонения объясняется тем, что пословицы представляют собой типизированные, обобщенно-личные высказывания, применимые к ситуациям различного рода (также типизированным).

Особый тип односоставных пословиц и поговорок представляют собой такие пословицы, сказуемое в которых находится в форме 2 лица единственного числа. Примером может служить такая известная пословица как *Не садись не в свои сани*. Сказуемое при этом может стоять как в форме настоящего времени, так и в форме будущего.

Такие пословицы передают ярко выраженную «нравоучительную» прагматику (поскольку направлены на то, чтобы побудить реципиента совершать либо же отказаться от совершения определенных действий). Вместе с тем, с синтаксической точки зрения синтаксис таких пословиц можно классифицировать как обобщенно-личный, поскольку они отражают в себе обобщенную, типизированную ситуацию.

Поскольку одной из важнейших глагольных категорий является категория модальности, то все анализируемые пословицы, в состав которых входит глагольный компонент, можно разбить на несколько классов, исходя из той ведущей модальности, которая в них представлена.

В нашей выборке представлены следующие типы модальности односоставных пословиц с глагольным предикатом:

- модальность долженствования (всего 38 пословиц, в которых представлен такой тип модального предиката);
- прохибитив (модальность невозможности совершения действия либо запрета на его совершение; всего 13 пословиц с таким типом модального предиката);
- условная модальность (условие, при котором возможно совершение действия; всего 19 пословиц с данным типом модального

предиката);

- модальность целесообразности совершения действия (всего 22 пословицы с данным типом модального предиката);

- модальность нецелесообразности совершения действия (всего 18 пословиц с данным типом модального предиката);

- модальность неизбежности/необходимости совершения действия (то есть, действие свершается (или должно быть совершено) вне зависимости от воли говорящего либо вне его контроля; всего 38 единиц с таким типом модального предиката).

Из вышеприведенных подсчетов очевидно, что среди пословиц с глагольным предикатом однозначно преобладают те, в которых представлена модальность неизбежности совершения действия, а также модальность долженствования. Это легко объясняется с позиций прагматики пословицы как речевого акта: она направлена на то, что «внушить» реципиенту важность либо необходимость совершения им какого-то действия, высказывания или поступка. Верно также и обратное: пословица как речевой акт может быть направлена и на высказывание запрета на совершение какого-то действия реципиентом либо высказывания им того или иного суждения.

Таким образом, в пословицах русского языка, использующихся в односоставных предложениях, можно выделить различные категории модальности. В исследовании О. И. Григорьевой данные типы модальности обозначаются следующим образом [Григорьева 2014: с. 185-186]: деонтическая модальность (или деонтическое долженствование), алетическая модальность, эпистемическая модальность, физическая модальность, а также отрицательная модальность. Здесь представляется важным кратко охарактеризовать данные типы модальностей и то, как они представлены в анализируемых пословицах русского языка.

Деонтическая модальность тесным образом связана с соблюдением этических и социальных норм [Григорьева 2014: с. 185]. Вообще говоря, этот

тип модальности является базовым для пословиц русского языка, поскольку в них в большинстве своем выражены этические нормы и запреты традиционной русской культуры и традиционного русского социума. Так, если рассматривать пословицу *не плюй в колодец – пригодится воды напиться* долженствование (а именно, запрет на совершение определенного действия) обусловлен не законами природы и не законами логики, но социальными установлениями и предписаниями, а также представлениями о том, какие действия в данном социуме являются одобряемыми, а какие – нет.

Суть алетической модальности заключается в долженствовании в силу действия определенных логических законов, которые влекут за собой необходимость сделать тот или иной вывод [Григорьева 2014: с. 185]. Данный тип модальности практически не представлен в односоставных пословицах и поговорках русского языка, поскольку отображаемая в них модель мира, более характерная для традиционной культуры, обладает другим типом рациональности, отличным от классической логики. Последний тип рациональности в большей мере свойствен отдельным феноменам современной культуры (в частности, науке и научной деятельности).

В отличие от предыдущего типа модальности эпистемическая модальность представлена достаточно широко в анализируемых пословицах и поговорках. При этом, следует отметить, что в рассматриваемых паремиологических единицах эпистемическая модальность выражает не только уверенность говорящего в достоверности сообщаемой им информации, но также и общеизвестные либо очевидные факты. В качестве примера таких русскоязычных паремий можно привести следующие пословицы: *тише едешь – дальше будешь*, поскольку в данной пословице в «обыденной» модели мира русской традиционной лингвокультуры концептуализируется достаточно очевидная зависимость времени пути от скорости движения.

Довольно близко с эпистемической модальностью связана так

называемая физическая модальность, сущность которой заключается в том, что в ней представлено долженствование или необходимость, которые обусловлены законами природы или же объективными законами физической реальности. В отличие от научных текстов и научного функционального стиля, в котором физическая модальность выражена преимущественно с опорой на конкретные факты, концепции, теории, эксперименты и пр., а на концептуализацию наблюдений из практической жизни, быта, хозяйства, концептуализации природных явлений на уровне «обыденной» модели мира.

Примером выражения такой модальности в русскоязычных поговорках могут служить поговорки *Март-марток – надевай семь порток* и *День да ночь – сутки прочь*. В первой из этих поговорок концептуализируется тот факт, что в нашей климатической зоне обычной является холодная весна (поэтому к ней нужно заранее подготовиться, в частности, подготовить теплую одежду). Во второй из них концептуализируется процесс смены времени суток, чередования времени. По этой причине – поскольку в этих поговорках выражено «обыденное» знание об окружающем мире и его устройстве – можно утверждать, что в них представлена физическая модальность.

Наконец, запретительная модальность связана с тем, что какое-либо действие не допускается к совершению [Григорьева 2014: с. 186]. В связи с этим О. И. Григорьева пишет, что модальность данного типа выражает отрицательное отношение участника либо участников ситуации к данной ситуации [там же]. Чаще всего запрет на совершение того или иного действия (и, соответственно, отношение участников ситуации к данному действию) исходит из каких-либо этических либо культурных запретов, что можно видеть, в частности, на примере пословицы *Не рой яму другому – сам в нее попадешь*. На основании этого можно сделать вывод, что данный тип модальности тесным образом соотносится с деонтической модальностью: запретительная модальность сближается с последней на семантических основаниях.

Таким образом, следуя рассуждениям Е. Е. Корди [Корди 2004: с. 50], можно высказать предположение о том, что каждому из типов модальности, представленных в языке русских односоставных пословиц, соответствует свой отдельный тип логики и логических отношений: деонтической модальности – соответственно, деонтическая логика, эпистемической модальности – эпистемическая логика и т. д. Кроме того, можно утверждать, что в модальных выражения языка русских пословиц репрезентирована и специфическая логика традиционной русской модели мира, которая существенно отличается от привычной нам формальной логики, а также от логики научного познания. Такая логика в большей мере основана на наблюдениях и фактах из практической жизни, а не на экспериментальном исследовании окружающего мира, природы и т.д.

Говоря о лексико-семантических и грамматико-семантических особенностях тех глагольных предикатов, которые входят в состав односоставных пословиц, нужно заметить, что в русском языке всю такую лексику (а именно, глагольные предикаты) можно разделить на две большие группы. Первая группа представляет собой так называемые тематические классы, которые задаются преимущественно благодаря лексической семантике рассматриваемого глагола.

Вторая группа представляет собой так называемые акциональные глагольные классы, которые выделяются на основании взаимодействия между собой категории грамматического аспекта (проще говоря, глагольного вида) и лексического аспекта.

В связи с этим в исследовании А. В. Лентовской на базе предшествующих исследований по грамматической семантике предложено выделение следующих основных акциональных классов [Лентовская 2018: с. 59]:

- глаголы деятельности;
- глаголы состояния;

- глаголы совершения;
- глаголы достижения.

Легко видеть, что два последних акциональных класса связаны с категорией совершенного/несовершенного вида, которая является отчасти грамматикализованной в современном русском языке.

Следует заметить, что в языке русских пословиц представлены все глагольные акциональные классы. Однако, представлены они в неравномерной степени. Так, глаголы деятельности и глаголы совершения представлены существенно шире, чем прочие акциональные классы. Глаголы состояния (например, предикативная лексика, выражающая знание, мнение, эмоции и чувства) представлены только лишь в отдельных случаях.

Как правило, в этом акциональном классе представлены не все семантические классы глаголов, а только лишь определенные: часть из них уже перечислена выше. В частности, глагол состояния (а именно, глагол, выражающий знание) представлен в такой пословице как *Знал бы где упасть – соломки бы подстелил*. Однако, среди глаголов акционального класса, выражающего состояния, представлены и некоторые другие предикаты, в частности, те, которые выражают обладание или владение: подобное можно видеть в следующем примере *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. В данном случае глагол *иметь*, выражающий обладание, передает не семантику действия или процесса, а состояние, в котором должен находиться адресат высказывания (либо же не должен, как в первой клаузе этого высказывания).

Следует заметить, что для правильного анализа важно учитывать особенности используемых в них акцентологических и просодических средств. В этом плане пословицы такого типа также характеризуются определенным своеобразием.

Прежде всего, следует отметить, что для интересующих нас пословиц с глагольным компонентом характерно равномерное ритмическое чередование ударных и безударных слогов. Если пословица состоит из нескольких частей

(то есть, представляет собой сложное предложение), то такое чередование наблюдается в каждой из частей.

Примерами здесь могут служить следующие пословицы и поговорки (в данных примерах ударные слоги выделены при помощи надстрочных знаков):

- *поспеши́шь – люде́й насмеши́шь;*
- *взя́лся за гу́ж – не говори́, что не дю́ж;*

Если в тех лексических единицах, которые входят в состав пословицы, есть несколько слогов, то на слогах, которые расположены перед ударным, появляется дополнительное слабое ударение, что также позволяет создать особенную ритмическую структуру фразы. Благодаря такой структуре, а также наличию рифмы (схожести звуков, которыми оканчиваются слова, стоящие на последнем месте в клаузе, входящей в состав пословицы) односоставные пословицы легче и быстрее запоминаются, а также могут быстрее воспроизводиться и передаваться в коммуникации.

Прочие части речи, используемые в качестве предикативов, в односоставных русских пословицах представлены существенно реже. Наиболее часто из остальных частей речи в такой функции используются имена существительные, прилагательные в краткой форме и в сравнительной степени, а также наречия. При этом данные части речи могут входить в состав клаузы, включенной в состав сложного предложения, состоящего из односоставных предложений (т. е., они могут фактически являться номинативными предложениями).

Номинативные предложения могут также и распространяться дополнительными членами предложения, как в примере *Молодец среди овец*. Такие предложения выполняют функцию обобщенного наименования объекта речи, соотносящего с типизированной ситуацией, которую и передает данная паремиологическая единица.

Распространению подвергаются не только номинативные предложения,

но также и предложения, предикативным ядром которых служат другие части речи: *В гостях хорошо, а дома лучше*. В этом примере в первой клаузе в качестве предиката используется наречие *хорошо* (которое по своей семантической функции представляет собой в данном случае предикат состояния), а во второй клаузе – сравнительная степень *лучше*, производная от данного наречия.

Очень редко в качестве синтаксического ядра в односоставных пословицах (или в односоставной клаузе, входящей в состав сложного предложения) встречаются числительные: нами был зафиксирован единственный пример такого рода – *ни два, ни полтора*. В каждой из клауз данной пословицы содержится только лишь количественное числительное: дополнительные члены предложения, что очевидно, отсутствуют. Такого рода предложение, в котором употреблены имена числительные, является также фактически номинативным.

2.3 Синтаксическая структура пословицы как речевого акта

Представляет важным также рассмотреть синтаксические и грамматико-семантические особенности языка русских пословиц с позиции теории речевых актов. Здесь необходимо вкратце напомнить наиболее базовые положения этой теории.

Согласно данной теории [Пищальникова, Сонин 2009: с. 406-407], выделяют следующие типы речевых актов:

- *локутивный речевой акт*: это речевой акт, связанный с произнесением чего-либо, наша речь в традиционном понимании данного термина. У каждого локутивного речевого акта есть собственное значение;
- *иллокутивный речевой акт*: это речевой акт, который обладает целенаправленностью, т. н. «иллокутивной силой». Иллокутивная сила конкретного речевого акта определяется, исходя из цели коммуникации, условий коммуникации и правил, по которым протекает коммуникация, а

также сообщаемой информации. По этой причине в число иллокутивных речевых актов входят и модальные высказывания: информирование, вопрос, предупреждение и т.п.;

- *перлокутивный речевой акт*: речевой акт, который связан с воздействием на реципиента и его побуждением к совершению определенного действия или определенной реакции на сообщаемую информацию. Перлокутивный речевой акт связан с воздействием на мысли поступки реципиента.

Нужно заметить, что, по мнению ряда лингвистов [Пищальникова, Сонин 2009: с. 406] в реальной коммуникации речевые акты не существуют в абстрактном виде. Как правило, в них совмещаются черты локутивных и иллокутивных речевых актов: таким образом, локутивный речевой акт одновременно является иллокутивным.

Теперь рассмотрим с позиций этой теории синтаксические особенности односоставных предложений в языке русских пословиц. Очевидно, что всякая пословица, употребляемая в коммуникации того или иного рода, будет представлять собой локутивный речевой акт, поскольку она связана с речевой деятельностью и обладает определенным значением.

Но пословицы, в состав которых входят односоставные компоненты, могут быть не только локутивными, но также и иллокутивными речевыми актами, поскольку они связаны с определенной коммуникативной ситуацией (что, в свою очередь, ограничивает условия их употребления), а также обладают той или иной иллокутивной силой.

Так пословица *Дареному коню в зубы не смотрят* соотносится со вполне определенной коммуникативной ситуацией: она связана в ситуациях, связанных с преподнесением кому-то подарков. Такие ситуации (дарение) до сих пор остаются во многом ритуализованной сферой в современной культуре, поскольку они сопровождаются множеством правил и ограничений, в том числе, связанных с языком и коммуникацией. К примеру, в русской

коммуникативной культуре в подобного рода ситуациях не принято критиковать или пренебрежительно отзываться о подаренной вещи: необходимо проявление формальной вежливости. Собственно, возникновение, а также семантика и прагматика данной пословицы объясняются указанной ситуацией. Тем не менее, как и у всякого иллокутивного речевого акта у данной пословицы есть ограничения на употребление, обусловленные конвенционально: так, ее использование в обстановке официальной, очень «институционализированной» коммуникации будет смотреться прагматически неуместной.

Вместе с тем, существуют примеры пословиц, являющихся иллокутивными речевыми актами, которые обладают достаточно широким коммуникативным диапазоном. Они способны употребляться в различных ситуациях общения и в самых разнообразных регистрах.

В качестве примера здесь можно привести такую пословицу: *Из песни слова не выкинешь*. Ее употребление возможно в коммуникации (в том числе и в текстах) самой разнообразной жанровой и стилистической принадлежности, что подтверждается, в частности, материалами Национального корпуса русского языка. Там указанная паремия охватывает весь спектр употребления: от текстов художественной литературы и журнальных статей до интернет-коммуникации в чатах и мессенджерах и филологических монографий.

Что касается грамматических характеристик тех пословиц с односоставными предложениями, которые являются иллокутивными речевыми актами, то в них представлены глагольные предикаты в самых разнообразных формах, наряду с субстантивными. Одними из наиболее часто используемых (как можно видеть из примеров выше) являются формы глагола, стоящие во 2 лице единственного числа настоящего и будущего времени. Наряду с ними, очень частотны глагольные 3 лица единственного и множественного числа изъявительного наклонения, относящиеся ко всем

категориям времени. Это объясняется, в частности, тем, что паремии с такой синтаксической структурой используются преимущественно для передачи того или иного сообщения либо для выражения модуса, относящегося к коммуникативной ситуации, объектах, о которых идет речь, и т. п.

Нужно также сказать несколько слов о том, чем характеризуются односоставные пословицы, являющиеся перлокутивными речевыми актами. Поскольку основной особенностью перлокутивных речевых актов, как уже было выше сказано, является побуждение реципиента к определенной реакции или определенному действию, такие пословицы, как представляется, должны характеризоваться на грамматическом уровне использованием преимущественно императивных либо оптативных глагольных форм.

Примером такой пословицы является *Не плюй в колодец: пригодится воды напиться*, в которой в первой клаузе употребляется императивная форма *плюй*, образованная, соответственно, от глагола *плевать*. Естественно, о буквальном понимании значения данной паремии не может идти и речи, тем не менее, в коммуникации она употребляется для оказания на реципиента коммуникативного эффекта, исходящего из ее значения («не нужно портить что-либо или критиковать что-либо заранее, поскольку эта вещь еще может оказаться полезной в будущем»). Таким образом, можно считать, что данная пословица направлена на совершение (точнее, несовершение) какого-либо действия: следовательно, ее можно рассматривать как перлокутивный речевой акт, обладающий соответственной иллокутивной силой.

Следует еще раз, руководствуясь идеями лингвистов-специалистов по теории речевых актов подчеркнуть, что в реальных речевых актах совмещаются элементы как локутивных, так и иллокутивных речевых актов. Данное утверждение в полной мере можно отнести и к односоставным русским паремиологическим единицам. По этой причине можно утверждать, что локуция в односоставной пословице обуславливает одновременно иллокуцию, а также обладание определенной иллокутивной силой.

Говоря о коммуникативной структуре односоставных предложений из числа тех, которые представлены в языке русских пословиц, следует заметить, что она сохраняет традиционную для русского языка линейно-акцентную структуру (см. об этом [Падучева 2015]). Такая структура задает как порядок следования сообщаемой в предложении информации, так и порядок ее восприятия адресатом.

При этом, коммуникативная структура анализируемых пословиц сохраняет характерный для русского синтаксиса линейный порядок. Так, в пословице *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь* важная для адресата информация во второй клаузе, выражающая морально-этическую прагматику данной пословицы, является ремой, т. е. важной вновь сообщаемой для адресата информации. При этом также происходит своеобразное акцентное и интонационное оформление данной пословицы как синтаксического целого (с большим акцентом на второй клаузе).

В некоторых случаях происходит инверсия коммуникативной структуры предложений, представленных в русских паремиях. Говоря образно, при этом тема и рема «меняются местами»: если нейтральным способом актуального членения предложения в русском языке является бинарное членение на тему и рему (см. об этом в монографии О. А. Крыловой [Крылова 2013: с. 9-10]), то при инверсии рема следует впереди темы. Примером такой паремии может служить следующая единица: *Быть бычку на веревочке*. В данном случае лексема *бычку* выражает тему (или, другими словами, топик высказывания), а именно подразумеваемого субъекта речи. *Быть... на веревочке*, в свою очередь, выражает новое (то, которое ожидается в будущем) состояние субъекта речи. При этом данную форму, в которой в качестве предиката используется глагольный инфинитив, можно также классифицировать и как модальную, поскольку в ней передается семантика неизбежного наступления данного состояния.

Отдельно можно выделить предложения с нулевой темой, которые в

исследовании О. А. Крыловой характеризуются как синтаксически нерасчлененные [Крылова 2013: с. 17-18]. Подобного рода предложения достаточно часто встречаются в языке русских пословиц, причем наиболее часто среди них встречаются субстантивные предложения: ср. с типологически аналогичным отрывком из пушкинского стихотворения *Мороз и солнце!*, который, как полагает О. А. Крылова [Крылова 2013: с. 17] представляет собой нерасчлененное предложение-высказывание с нулевой темой. В качестве примера такого предложения-высказывания из числа русских пословиц можно привести паремию *День да ночь – сутки прочь*, уже упоминавшуюся выше.

В языке односоставных русских пословиц представлены и предложения с опущенной темой, которые также рассматриваются в указанном выше исследовании О. А. Крыловой [Крылова 2013: с. 22]. Их особенность заключается в том, что в предложениях такого типа член, передающий уже известную или фоновую информацию, удаляется из предложения. Нужно заметить, что опущение темы вообще характерно для односоставных предложений. Приведем следующий пример: *Знал бы где упасть – соломки бы подстелил*. В каждой из клауз представлены односоставные предложения с опущением субъекта «я», под которым, очевидно, подразумевается говорящий. Сравним с гипотетическим полным вариантом данной паремии, в которых субъект явно выражен: **Если бы я знал, где упасть, то я бы соломки подстелил*.

Следует подробнее сказать о синтаксических особенностях тех пословиц, в состав которых входит глагольный компонент. Вместе с тем, сказанное может быть примерно и к тем пословицам, в которых содержатся предикативные сочетания другого типа.

Наиболее частотны среди глагольных пословиц те, которые представляют собой простые предложения (*Из песни слова не выкинешь*). Если в пословице встречается сложный синтаксис, то представлен как

паратаксис (*На Бога надейся, а сам не плошай*), так и гипотаксис (*Много будешь знать, скоро состаришься*). Однако следует заметить, что гипотаксис в сравнении с паратаксисом распространен существенно меньше в синтаксисе русских односоставных пословиц. Паратаксис представлен существенно шире: связь при этом может выражаться как с использованием союза либо союзного слова, так может быть выражена и бессоюзно. Данная характеристика является еще одной примечательной чертой синтаксиса русских пословиц с односоставным компонентом.

Выводы по Главе II

Таким образом, нами была проанализирована выборка русских пословиц в односоставных предложениях. Было установлено, что синтаксис пословиц такого типа различается: в анализируемом материале представлены как односоставные простые предложения, так и сложные предложения различных типов, в которые входят простые односоставные части. При этом в пословицах представлены различные типы сложного синтаксиса: как гипотаксис и паратаксис, так и бессоюзная синтаксическая связь.

Наиболее частотными среди проанализированных пословиц являются те, в которых представлен глагольный компонент. При этом глагольный предикат в пословице может выражаться различными способами: как синтетически (при помощи простой глагольной формы), так и аналитически (то есть, при помощи смыслового глагола в определенной форме, употребленного вместе со вспомогательным глаголом). Также глагол в пословице может находиться и в форме инфинитива.

Относительно реже встречаются пословицы, в которых присутствует именное (субстантивное) сказуемое, выраженное, соответственно, при помощи имени существительного. При этом имя в пословицах такого типа может стоять в различных падежных формах: как в форме исходного падежа (номинатива), так и в косвенных падежах.

Существенно реже – в особенности, в сравнении с пословицами с глагольным ядром высказывания – представлены те пословицы, в которых предикативное сочетание представлено другими частями речи. Наиболее часто среди конструкций с этими частями речи встречаются конструкции со словами категории состояния, наречиями, а также прилагательные в сравнительной степени в различных косвенно-падежных формах и прилагательные в краткой форме. Прочие части речи встречаются крайне редко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в данной работе нами был проанализирован синтаксический материал односоставных предложений в русских пословицах. Было установлено, что такие предложения можно разделить на несколько классов.

Отдельный класс образуют пословицы, выраженные односоставными простыми предложениями. Такие пословицы составляют большую часть в исследованном нами материале. Другой класс – это пословицы, синтаксическая структура которых представляет собой сложное предложение, которое, тем не менее, состоит из двух (либо нескольких) односоставных компонентов.

Все пословицы можно также разделить на несколько классов в зависимости от того, какой именно частью речи выражена предикатная вершина в данной пословице. Больше всего в рассмотренном материале тех пословиц, предикатная вершина которых выражена глаголом в той или иной форме, которая может быть образована как синтетически, так и аналитически. Значительно меньше тех пословиц, предикатная вершина которых выражена именем существительным, прилагательным, словом категории состояния. Некоторые части речи в предикации не представлены совсем (например, имена числительные).

Глагольные сказуемые в односоставных пословицах также можно распределить по различным классам в зависимости от видо-временных форм глагола, форм наклонения, модальности и прочих грамматических категорий. Большую часть односоставных пословиц в нашем материале составляют те, в которых сказуемое выражено при помощи глагольных форм 3 лица обоих чисел изъявительного наклонения в различных временах. При этом настоящее и будущее время в таких пословицах заметно преобладают над формами прошедшего времени.

Данный факт объясняется тем, что в исследованном материале преобладают обобщенно-личные предложения, которые выражают типизированную ситуацию, соотносящуюся с каждой пословицей. По этой причине становится очевидным существенный численный «перевес» форм 3 лица в различных временах и числах над прочими глагольными формами.

Что касается модальности, то среди исследованного материала преобладают пословицы, в которых глагольный предикат выражает модальность долженствования, а также модальность необходимости и модальность неизбежности. Такой факт объясняет прагматикой самих пословиц, а также тем, что они представляют собой ценностно маркированные единицы языка. Их прагматика связана с побуждением реципиента к совершению (либо, наоборот, несовершению) какого-то действия или же к произнесению каких-то слов (обратно – запрету на произнесение).

Для пословиц русского языка характерна также определенная интонационная и акцентологическая оформленность. Зачастую различные части пословицы, выраженной сложным предложением, могут рифмоваться между собой, а также для них является типичным определенным ритмический рисунок (за счет чередования ударных и неударных слогов).

С точки зрения фразеологической семантики пословицы представляют собой идиомы. Их общее значение не выводится из суммы значений всех компонентов, входящих в пословицу. Однако оно тем или иным образом может соотноситься с типизированной жизненной или бытовой ситуацией.

Именно благодаря этому в пословицах часто встречается лексика, обозначающая культурные реалии традиционного русского быта, традиционные ремесла, занятия и промыслы русских. Кроме того, в пословицах часто встречается культурно маркированная лексика, которая репрезентирует различные лингвокультурные константы, выражающие ценностно маркированные понятия русской традиционной модели мира.

Следовательно, можно заключить, что односоставные пословицы

русского языка, представляя собой конструкции, выражают неразрывный «сплав» между собой синтаксиса, морфологии и семантики входящих в них единиц более низкого порядка. Одни компоненты конструкции определяют свойства и параметры других (в частности, семантика определяет синтаксис, и наоборот). Их совместное эмерджентное взаимодействие определяет семантику всей конструкции, т. е. пословицы.

Дальнейшими перспективами исследования может стать анализ пословиц и поговорок русского языка (в том числе, и в сопоставительном аспекте) для более детального изучения специфики синтаксических и прочих особенностей каждой из паремиологических единиц. Перспективным также может быть семантический анализ предикатной лексики, входящей в состав русских пословиц в качестве предикатного ядра.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. 343 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37-67.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 576 с.
4. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. №2. С. 265-284.
5. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
6. Гаврилова Ю.В. Основные аспекты теории системной лингвистики в Великобритании конца XX века // Знание. Понимание Умение. Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2015. №2. С. 172-180.
7. Гладкий А.В. Синтаксические структуры естественного языка. Изд. 3-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2018. 152 с.
8. Григорьева О.И. Категория модальности от античности до наших дней // Слово и текст: психолингвистический подход. 2022. № 21. С. 9-15.
9. Григорьева О.И. Анализ взаимосвязей в системе модальностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014. №2. С. 181-187.
10. Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. №3. С. 7-21.
11. Дронов П.С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии. Монография. М.: Ин-т языкознания РАН, 2018. 102 с.

12. Жуков В.П. Поговорка // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 379.
13. Жуков В.П. Пословица // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 389.
14. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
15. Ибрагимова Р.Э. Новые подходы к изучению лексики в начальном лингвистическом образовании // Мир науки, культуры, образования. 2016. №2. С. 87-95.
16. Кацюба Л.Б. Русские пословицы. Концептосферы. Ассоциативные поля. Семантизация переносного значения. Контекстное употребление. М.: ФЛИНТА, 2021. 226 с.
17. Киндря Н.А. Названия животных в индоевропейских языках: лингвоонтология. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
18. Ковшова М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принципы, схема, опытный образец // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / Редкол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. Вып. 46. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 48-57.
19. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. 168 с.
20. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 176 с.
21. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 175 с.
22. Лекант П.А. О грамматической форме инфинитивного предложения // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. М.: МГОУ, 2006. С. 3-7.
23. Лентовская А.В. Акциональные характеристики русских и итальянских глаголов // Вестник Московского государственного

лингвистического университета. 2018. Вып. 14(809). С. 57-71.

24. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

25. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Очерки русинской фразеологии: монография. М.: РУДН, 2021. 97 с.

26. Маслов Ю.С. Время // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 89.

27. Моница Т.С. Модели односоставных предложений: структура и семантика: Учебное пособие. М.: МПУ, 1993. 106 с.

28. Москвин В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.

29. Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1976. 184 с.

30. Падучева Е.В. Коммуникативная структура предложения // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики: на правах рукописи. М., 2015. URL: http://rusgram.ru/Коммуникативная_структура_предложения (дата обращения 27.04.2023)

31. Падучева Е.В. Модальность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 19-94.

32. Паремология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

33. Паремология на перекрёстках языков и культур: монография / М.А. Бредис, Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова, Ю.А. Петрушевская; под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

34. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 448 с.

35. Платонова Е.Н. Односоставные предложения как средство формирования обобщенной семантики пословиц // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2010. №3. С. 100-105.
36. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
37. Плунгян В.А. Почему языки такие разные: популярная лингвистика. М.: Русистика, 2017. 272 с.
38. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 294 с.
39. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 392 с.
40. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 360 с.
41. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология: Монография. Воронеж: издательство «РИТМ», 2021. 215 с.
42. Стойнова, Н. М. Будущее время // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики: на правах рукописи. М., 2018. URL: http://rusgram.ru/pdf/fut_general_txt20180528_final_print.pdf (дата обращения 27.04.2023)
43. Танасейчук Е.Ю. Образ человека в пословицах русского, английского и китайского языков // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. Ч. 2. С. 211-213.
44. Тимошенкова Г.Ю. Проблематика лингвокультурологии в аспекте современных тенденций // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. №3. С. 147-151.
45. Фундаментальная электронная библиотека. 2023. Электронный ресурс] Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma331721.htm?>

cmd=0&istext=1 (дата обращения: 08.03.2023).

46. Царева Л.В. Английские пословицы и афоризмы как средство обучения переводу в художественном вузе // Вопросы методики преподавания в вузе. 2015. №3. С. 147-161.

47. Halliday M. Categories of the theory of grammar. New York: Elsevier, 1961. 292 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. 4-е изд., стереотип. М.: «Русский язык». Медиа, 2009. 814 с.

2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 2-е изд., стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1967. 535 с.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов. Изд. 9-е, испр. и доп. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Советская энциклопедия, 1972. 846 с.

4. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М. «Русский язык», 1979. 240 с.